АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ
Стальная крыса
Феодал
ЭКСМО

Александр Николаевич Громов
Феодал

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126417
Феодал: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25176-6

Аннотация

Это – Плоскость. Бесконечная, враждебная человеку пустыня другого мира со своими правилами и физическими законами, наполненная смертельно опасными феноменами и причудливыми животными. Слабых она ломает и уничтожает, сильных ожесточает и делает еще сильнее. Люди, заброшенные сюда судьбой, могут выжить только под руководством феодала – человека, способного прокладывать безопасные маршруты от оазиса к оазису, способного добывать необходимые поселенцам предметы, способного постоянно обманывать саму смерть.

Феодал Фома привык к сложившемуся жизненному укладу и не ожидал перемен. Однако на границах его территорий возникла новая угроза. Очередной пришелец с Земли, объявив себя королем, бросил вызов всем окрестным феодалам. Оказывается, даже в экстремальных условиях Плоскости можно вести феодальные войны…

Содержание

Пролог 4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 10
Глава 1 10
Глава 2 33
Глава 3 57
Глава 4 78
Глава 5 101
Глава 6 123
Конец ознакомительного фрагмента. 128

Александр Громов
Феодал

Пролог

…Ему снились большие толстогубые рыбы с удивленно вытаращенными глазами и глупыми мордами. Отрываясь от илистого дна, они всплывали вровень с застрявшим в воде человеком и, лениво шевеля плавниками, подолгу висели в насыщенном планктоном ультрамарине океана. Наверное, они хотели понять, постигнуть убогим крохотным мозгом, кто это вторгся в их владения, чего ему надо и почему он не плывет прочь.

А он не мог ни уплыть, ни всплыть за глотком воздуха. Жидкость держала его, как клей. Удушье мучило тем сильнее, чем яростнее он пытался вырваться из плена спятившей стихии.

Поняв это, он перестал рваться на волю. Расслабился. Жить было трудно, но можно. Очень хотелось дышать, но никто не мог помочь освободиться из незримого капкана, чтобы пробкой выскочить на поверхность. Живи один, терпи один, а если приспичит бороться, то и борись один. Всегда один…

Не дергайся. И в паутине можно жить – если поблизости

нет паука. Не трать силы понапрасну. Терпи. Приспосабливайся.

Что? Тебе нужен воздух? И тебе, и всем? Запомни: это всеобщее заблуждение. Если не дергаться, успокоиться, привыкнуть, то можно не дышать очень и очень долго. А если выбросить из головы лишние мысли и никогда не задумываться о несбыточном, то воздух тебе не понадобится совсем. И солнечный свет тоже. Подчинись обстоятельствам, ведь они сильнее тебя.

Ну уж нет!

Он рванулся. Перестал видеть замшелых от сонной неподвижности толстогубых рыб, потому что перед глазами поплыли цветные круги и спирали. Каждое движение усугубляло муки удушья, но он рванулся еще и еще раз. Ему удалось освободить руку. Ну, еще!..

Легкие пылали. Он извивался червяком, отлично понимая, что если даже успеет выдраться из капкана, то всплыть уже не сможет. Он слишком поздно начал бороться всерьез! Сколько времени и кислорода в легких было потрачено зря! А теперь – поздно. Молись не молись, трепыхайся не трепыхайся – итог один.

И все-таки он продолжал рваться вверх до тех пор, пока муки удушья не стали нестерпимыми. Тогда он проснулся и рывком сел на песок. Вспомнил, кто он и зачем пришел в это место. Отдышался. Выждал, пока немного успокоится пульс. Огляделся.

Рядом с ним на песке валялись три большущие рыбины с толстыми губами, глупыми мордами и растопыренными плавниками. Он пнул ногой ближайшую, и она перекатилась, как бревно, обломав грудной плавник. Вспомнилось Джеромово: «Форель была гипсовая». Конечно, заманчиво было бы просыпаться, находя вокруг себя все, что нужно для завтрака. Увы, еще никому не удавалось выспать себе еду. Со сложной органикой всегда проблемы, а уж со съедобной – просто никак. И не надо. Общие контуры биологических объектов – да, получаются. А внутри не то гипс, не то алебастр, да и тот спустя какое-то время рассыплется трухой, а потом и труха исчезнет без следа.

Неорганика получается лучше, хотя тоже имеет свой срок существования. Но пока она не рассыпалась, ею можно пользоваться. Особенно мелкими вещами. Булавка наверняка переживет человека, а грузовик станет пылью спустя несколько часов. Тут все дело в массе…

Он встал и в радиусе пяти шагов от оставленного им углубления в песке нашел четыре коробки спичек (испытал – горят), охотничий нож, моток капронового шнура, килограммовую пачку стирального порошка, запечатанную намертво (пришлось надорвать угол, дабы удостовериться в том, что это и правда стиральный порошок), аккуратно свернутую простыню, жесткую от крахмала, катушку капроновых ниток и двадцать девять стомиллиметровых гвоздей россыпью. Урожай выпал не ахти. Хотя бывало и хуже.

Не нашлось заказанного набора швейных игл, одноразовых лезвий для бритья, легкой куртки с капюшоном и еще нескольких мелочей. Значит, в другой раз.

Судя по находкам, он проспал часов пять и дважды видел сны. Первый сон был управляемым и принес невеликий урожай полезных вещей. Годы практики приучают видеть во сне то, что представлял себе, ложась спать, но это касается только первого сна. Второй, если до него доходит дело, редко материализует что-либо полезное, зато алебастровых монстров – сколько угодно. Великое счастье, что не живых. Приснится кошмар с саблезубым тигром в главной роли, и что же – иметь с ним дело наяву? Спасибо, что-то не хочется.

В легкий, почти невесомый рюкзачок (долго мучился, пока не выспал то, что надо) он сложил новообретенные вещи. Глотнув воды, поболтал остатком во фляжке. Маловато.

Разумеется, полную фляжку сколь угодно чистой, хоть дистиллированной воды можно было выспать, как любой другой предмет, но пить эфемерную воду – один из способов самоубийства. Сколько нужно времени, чтобы полностью вывести ее из организма? Какие-нибудь остатки раньше распадутся в пыль, причем внутри клеток. Когда-то это поражало его воображение: вода – в пыль! Потом он привык.

Ну да ничего, настоящая вода где-нибудь найдется, феодалы от жажды не умирают. Можно прямиком двинуть к ближайшему оазису…

Пожалуй, лучше все же не прямиком. На дне фляжки еще

есть несколько глотков, так что спешить к роднику необязательно. Можно продолжить обход владений, поискать новых людей. Иначе они погибнут, а им надо жить. Они ведь хотят жить, хотят длить свое существование всегда и везде, даже если их жизнь лишена всякого смысла.

И особенно если среда не благоприятствует выживанию. Тут даже слабые, вытянув счастливый жребий уцелеть на первых порах, становятся если не сильными, то цепкими и умелыми, с могучей жаждой жизни.

Так уж заведено.

Живи. Подчинись обстоятельствам, перед которыми ты бессилен. Цепляйся за то, что подарено. Забудь о том, что отнято. Живи вмурованным в клей и задавай поменьше безответных вопросов. Привыкни.

Так тоже можно жить.

Плохо, когда снятся глупые сны. Неужели жизнь ничему не научила, если во сне видишь то, о чем давно не думаешь наяву – не о мелкой повседневной борьбе за существование, а о том, как бы собраться с силами, рвануться и всплыть?

Похоже, что так.

– Вот потому-то и не сидится тебе на месте, – сказал он вслух и подумал: а ведь верно. Быть феодалом и вечно слоняться по своим владениям – это тоже призвание. Дело совсем не в обостренном чутье на ловушки этого подлого мира. Феодалами становятся от вечной неудовлетворенности спокойной скотской сытостью, от невозможности усидеть в

безопасном постылом оазисе. Просто те, кто лишен чутья, долго не живут.

И все равно многие норовят удрать из оазисов. Канючат, просятся в ученики. Грозятся, что уйдут сами. Верно: бессмысленно жить, как они живут.

– А как я – есть смысл?

Пробормотав это, он на миг испугался. Хуже нет пускаться в путь в философском настроении. Здесь не Земля, и долголетия таким образом не обретешь, как раз наоборот. Задумался о ненужном – пропал.

Досадно, что натуру все равно не обманешь, и сны, полные бесполезных усилий, будут продолжаться вновь и вновь.

Вырваться. Выдраться из тенет. Всплыть. К солнцу. К закатам и рассветам. Хотя это ведь только сны…

Наплюй и забудь.

Иди. Возможно, тебя уже ждут.

Иди – и делай свое дело.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЗАЩИТА И ОПОРА

Глава 1

Их было четверо: двое мужчин, женщина и мальчик лет десяти. Последнюю каплю воды они выпили сегодня утром. Последняя крошка еды была употреблена тоже утром, но не сегодняшнего, а вчерашнего дня.

Утро на Плоскости – понятие условное, как и вообще любое время суток. Иногда случается, что белесое небо над бескрайней равниной на несколько часов словно бы одевается темной вуалью, и человек с ностальгическим воображением может назвать наступившие сумерки ночью. Никто не возразит – это его право.

«Бескрайняя равнина» – вовсе не гипербола. Края нет. Никому до сих пор не удалось установить и шарообразность или какую-нибудь еще криволинейную форму местной твердой поверхности, отличную от плоскости. Встречаются, правда, низины, холмы, дюны и прочие локальные неровности рельефа. Поднимись на вершину холма, предварительно удостоверившись в ее безопасности, поищи взглядом горизонт и разочарованно сплюнь. Линия горизонта отсутству-

ет. Далеко-далеко твердь растекается дымкой, а дымка становится воздухом. Ищи, ищи линию раздела, выбирая самые прозрачные дни. Высматривай, пока не надоест, то, чего нет.

И уж конечно, человека, прожившего на Плоскости много лет, гонит на вершину холма отнюдь не поиск горизонта.

– Нашел, – радостно возвестил, спустившись к подножию, тот мужчина, что помоложе. – Общее направление – вот. – Он указал рукой. – Дорога плохая, зато не так уж далеко, авось часов через десять дойдем…

– Через десять? – взвизгнула женщина. – Чего-о? Через ско-олько? Через десять??!

– Сдохнем, – констатировал мальчик, облизнув сухие губы, и засмеялся неизвестно над чем. – Во попали…

– Заткнись, Борька! – рыкнул на него тот мужчина, что постарше, кряжистый и ширококостный. Набычившись, начал надвигаться на молодого: – Чё, правда, что ли? Ты чё, блин, вчера говорил? Тебя для чего в проводники взяли? Ты, чмо, кого наколоть хочешь? О двух часах говорил, нет? Не слышу!

– Говорил о двух-трех часах пути, – уточнил проводник. – Только не до цели, а до ближайшего оазиса. Но ошибался. Точнее, обстановка изменилась. Теперь крюк к оазису делать не станем, пойдем прямо.

– Я тебе, козел, такой крюк щас устрою… По кругу водишь, кидала? Лишних бабок слупить с нас хочешь? А вот этого не нюхал?

Кулак был под стать хозяину – большой, крепкокостный, обильно и туго обтянутый плотью. Быков глушить таким инструментом…

– Хочешь ударить? – с любопытством осведомился проводник, отступая все же на полшага. – Или хочешь получить объяснения?

– На хрен мне твои объяснения… Ты к воде давай веди!

Пожав плечами – а я, мол, куда веду? – проводник повернулся и потопал прочь. Вслед ему потянулись и остальные.

Воздух был сух и горяч, сверху ощутимо припекало, но солнца, конечно, не было. Проводник отметил про себя, что еще не забыл, какое оно на вид, солнце. Яркий – невозможно смотреть – диск в знойный июльский полдень. Не диск даже, а нестерпимый сгусток пламени, огненная каракатица, и только когда отведешь взгляд и невольно зажмуришься, перед глазами долго пылает именно диск, а не что-то иное. На закате – нарядный красный блин ненормальных размеров. А зимой оно маленькое и желтое, висит низко и почти не греет. А ночью его нет. Зато ночью бывает луна и эти… созвездия. Большая Медведица. Малая Медведица. Орион. Телец. Кассиопея. Их очертания он еще помнил, не зная зачем. А впрочем, почему бы и нет? Груз воспоминаний ничего не весит и плеч не оттянет.

Белый песок шуршал под кроссовками. В очередной низине он сменился растрескавшейся серой глиной – здесь когда-то была вода. Очень давно. А ничего с тех пор не измени-

лось, такыр не занесло песком, разве что колодец, выкопанный каким-то бедолагой, теперь уже, наверное, совсем осыпался. Вон они видны, отвалы. И еще долго будут служить ориентиром, а воды нет как нет…

Сколько же народу погибло здесь по незнанию – это же уму непостижимо! Поначалу почти все мечутся, не понимая, как они сюда попали, подозревая в увиденном сон, мираж, галлюцинацию и не очень-то веря, что Плоскость – такая же реальность, как и Земля. Паникуют – ну и влетают туда, куда влетать не надо. А бывает, умирают от жажды, прежде чем их удается обнаружить. Просторы-то немалые, а помочь-то способен только один человек. Сиди на месте, жди. Не корчи из себя Пржевальского или Миклухо-Маклая. Помощь придет. Если религиозен – молись, чтобы она не пришла слишком поздно.

Не имеешь сил терпеть жажду – тогда копай колодец или иди искать источник. Хотя откуда вновь прибывшим знать, что рытье грунта скорее всего окажется напрасным, а пешие экспедиции по Плоскости далеко выходят за пределы разумного риска?

Неоткуда им узнать. В лучшем случае увидят на приметном камне сделанную мелом надпись по-русски: «Сиди тут, жди помощи. Фома» и ниже по-английски: «Wait here. Danger around! Thomas». То ли послушаются, то ли нет. Да и сидение на месте не дает гарантий безопасности – безотносительно к проблеме воды. На Плоскости все изменчиво.

Карты ловушек устаревают быстрее, чем успеваешь их составлять.

Позади начали зло шептаться, причем женщина то и дело срывалась на визг, умудряясь при этом оставаться в границах шепота: «Ты мне скажи, мужик ты или не мужик?» – «Ты-то хоть отстань…» – «Нет, ты ответь: мужик или не мужик? Все на тебе ездят, и этот поганец тоже, а ты и рад…» – «Ничего он не ездит, а ведет куда надо…» – «Куда *ему* надо!» – «Не гони. У него воды тоже нет». – «А ты проверял, что у него есть?»

«К Трем Дюнам их, – брезгливо подумал проводник. – Хорошее с виду место, им понравится. И станут они у меня там полными кретинами, родную речь позабудут, научатся слюни пускать и в штаны гадить. Оно для них и к лучшему. А мальчишку… мальчишку заберу. Он же не виноват, что они такие, ему-то погибать у Трех Дюн совершенно незачем…»

Мысль о Трех Дюнах подбодрила проводника, хотя он вел вновь прибывших совсем в другую сторону. К Трем Дюнам всегда успеется. Это на крайний случай. А пока надо дать людям шанс. Может, они еще не столь плохи, как кажутся. Трудно ведь сразу понять, кто есть кто…

Дурилок в его владениях было несколько, но только одна из них совпадала с оазисом. Оно и к лучшему, что только одна. Совершенно достаточно. Как правило, проводнику удавалось ладить с новичками без применения сильнодействующих, а главное, необратимых средств. Кто и почему попа-

дает на Плоскость – вопрос бессмысленный. До сих пор никому не удалось установить никаких закономерностей. Похоже на случайную выборку. Некто запускает руку в мешочек и наугад достает бочонок лото.

Тем лучше. Все-таки люди в большинстве своем нормальны. Ну побесятся немного поначалу, а потом глядишь – дошло до родимых. Осознали. Слова понимают.

Есть такие, что верят сразу. Их мало. Большинству надо осмотреться. И как только человек испытает некоторые местные прелести на своей шкуре, его сразу же, без малейшего перехода, начинает мучить вопрос котировки: кто он в этом мире? Богач или бедняк? Уважаемая личность или шпынь ненадобный? Он спрашивает о местной валюте и ценности вещей, прикидывает обменный курс и старается глядеть в оба, чтобы не обжулили, потому как научен: неопытным простакам везде рады…

Навалилась и отступила тяжесть. Будто кто-то невидимый, подкравшись, вспрыгнул на плечи, посидел немного и соскочил. Позади бросили шептаться и растерянно заматерились в два голоса – сиплый мужской и визгливый бабий.

Почти сразу пошла зона отрицательной аномалии, и шаги удлинились. Типично для зоны, примыкающей к серьезной инверсии: мелкие, от силы в десять шагов поперечником блуждающие «пятачки» то большей, то меньшей тяжести. Вроде атмосферных завихрений на периферии могучего тайфуна.

Мальчишка догнал, пошел рядом. А впереди в дрожащей мути воздуха уже замаячило раскорячливое пятнышко, поминутно меняющее очертания. Проводник взял правее, и пятнышко-каракатица поплыло справа налево.

– Птица? – спросил мальчик.

– Человек.

– А почему он летает?

– Потому что ветер гоняет его туда-сюда, – равнодушно объяснил проводник. – Не было бы ветра – висел бы на месте, а так – болтается… Над инверсией всегда вихревые потоки.

– Над какой еще инверсией?

– Над гравитационной. Заметил, что здесь везде разная тяжесть?.. Что?.. Нет, это тебе не показалось, это так и есть. Ну, а инверсия – совсем неприятная штука. Вышел человек погулять – и пожалуйте любоваться, висит… Давно уже.

– Он… мертвый?

– Без воды и пищи столько не живут, сколько он там кувыркается.

– И никогда не упадет? – Мальчик поежился, но в его голосе звучал неподдельный восторг.

– Почему не упадет? – Проводник пожал плечами. – Упадет, куда денется. Когда-нибудь вихрь его выплюнет, а там и граница инверсии. Я таких видел… выброшенных. Сухие, как мумии.

– А этого вы знали? – спросил мальчик.

Проводник молча кивнул.

– Хороший был человек?

– Глупый. Умный не вляпался бы в инверсию. Она ведь как… она до самой земли никогда не доходит, иначе бы в нее грунт сыпался. И видно ее было бы издалека. И вообще ее нижняя граница как бы пульсирует. Бывает, что под ней можно свободно пройти, а бывает, что только ползком… Лучше всего, конечно, ее стороной обойти, вот как мы сейчас…

– А как ее найти? Бросить гаечку?

Проводник хмыкнул:

– Ишь ты, образованный… Можно и гаечку, если у кого она есть. Можно камешек или горсть пыли. А можно просто знать, где опасность, и не терять зря времени.

– Как вы?

– Как я. Нет, вообще-то аномальные места дрейфуют… понемногу. Тут целая наука. Ну и чутье, само собой. Девять сгинут, десятый научится. Так вот: я и есть десятый. Я этого летающего дурачка сам привел на место, сто раз ему все объяснил… Даром время потратил, больше ничего.

– А может, он не глупый? – вступился мальчик за покойника. – Может, он сам так решил…

– Самоубийца? Сознательно умирать от жажды между небом и землей? Ты соображаешь, что говоришь? Самоугробиться можно проще и безболезненнее.

– Ясно, – вздохнул мальчик. – А настоящие птицы тут во-

дятся?

– Никаких птиц тут нет.

– Жалко…

– Мне тоже, – сказал проводник. – Некоторые из них вкусные. Я вкус курицы до сих пор помню. Семь лет прошло, а не забыл. Во сне вижу.

«И, бывает, злобно топчу, проснувшись, алебастровые окорочка», – додумал он, но ничего не сказал вслух.

Мальчик тоже замолчал и даже приотстал немного. Наверное, самостоятельно приходил к выводу, что курица – не птица, а коли так, то употреблять ее в пищу не грех. Убивать настоящих, летающих птиц было бы жалко. Хотя голод не тетка…

– А этот, – возвращаясь к прежней теме, указал он на парящее высоко в небе пятнышко, – почему один гулял? Попал сюда и вас не дождался?

– Если бы. Говорю же: я его нормально встретил и довел до нормального места. Прямо скажу: до хорошего места. Там бы жить да жить. Так ведь нет! – ушел.

– Зачем?

– Откуда мне знать. Наверное, скучно стало. Люди ведь как устроены? Одним всегда неймется, шило у них вставлено, ну и не верят словам, воображают, будто неприятности не для них существуют, а я ведь каждого всегда предупреждаю…

– А другие? – спросил мальчик.

– Другие остаются в живых. Как правило.

– Там, куда вы их привели?

– Там, куда я их привел.

Мальчик помолчал, раздумывая. Облизнул губы. Видно было, что ему очень хочется пить, а разговор сушит гортань. И все-таки он спросил:

– А нас вы на то самое место ведете?

– На другое. То место уже занято.

– Кем?

– Человеком.

– А почему нам туда нельзя? Вчетвером веселее было бы.

– Потому что вчетвером там не прокормиться, – неохотно объяснил проводник, тоже без особого успеха облизнув сухие губы. – Оазис совсем маленький, на одного.

– А воды достать?

– Вода есть ближе. Пить хочешь?

– Конечно, – признался мальчик.

– Тогда не болтай, не суши зря рот. Терпи молча, пока терпится.

Мальчишка замолк и скоро отстал, присоединившись к родителям. Прошло полчаса, а может быть, час. Ничего не изменилось. Все так же под ногами шуршал песок, временами сменяясь щебнем или скальным выходом. Все так же равномерно светился белесый небосвод. Один раз дунул горячий, как из домны, ветер, и проводник, проворно упав, вжался в грунт. Полежав с полминуты, поднялся, небрежно мах-

нул рукой – ложная, мол, тревога.

Несколько корявых кустов без листвы и иголок укоренились на склоне холма, вызвав у новичков вопросы. Пришлось прекратить движение и снова шевелить языком. Нет, кусты не сухие. Очень даже живые, и голыми руками лучше их не трогать – язвы будут. Скверные язвы, долго не заживающие. Нет, воды здесь нет… в смысле, есть, конечно, но на большой глубине, копать колодец без толку. Надо идти. Вот туда, по лощине. Вода обязательно будет.

Сухое русло зазмеилось по дну лощины и внезапно кончилось. Когда-то здесь протекал ручей. Было непонятно, откуда он выбился на поверхность и куда потом делся. Проводник только покачал головой: нет, поиски воды здесь бессмысленны. Сухие русла изредка встречаются, но нет ни ручьев, ни рек. Никакая птица не полетит над местным Днепром, чтобы узнать, где его середина. О морях, озерах и болотах тоже никто не слышал.

Затвердевший ил сохранил отпечатки лап гигантской многоножки – существа столь же безвредного, сколь и бесполезного, стало быть, не стоящего внимания. Места были знакомые, относительно безопасные. Один только раз налетел бродячий морозный вихрь, обжег холодом лицо, стеснил дыхание и сгинул. Чепуха. Горячие вихри хуже – иные из них вроде инквизиторских костров. Выскочишь со спаленной до черных лохмотьев кожей, с обожженными легкими – и ложись помирай. Мамок нету.

Прошли полосу шевелящейся и пищащей под ногами жесткой травы. Лощина понемногу понижалась – холмы слева и справа стали выше. Длинные холмы, как барханы, только не сыпучие. Как ледниковые гряды, но сложенные не из валунов. Скорее как отвердевшие волны.

Круглая нора в правом холме – и такая же в левом, как раз напротив. Можно не нагибаться, если приспичит проникнуть в любую из них. Сразу и не поймешь, кто их проделал. Быть может, исполинский червь протащил себя над лощиной, выдираясь из одного холма и вгрызаясь в другой. Быть может, туннели каким-то образом возникли сами. Здесь все может быть, удивляться нечему. Наметанный глаз отметит только, что норы недавние, в прошлый раз их тут не было…

Да мало ли чего где не было! Все меняется в свой срок. Лишь оазисы меняются мало, и это большая удача для тех, кто в них живет.

Как и для тех, кто собирает дань с живущих в оазисах хуторян.

Но до чего же хочется пить!.. Проводник не в первый раз подумал о том, что легко отдал бы полжизни за право иногда посидеть у чистого лесного озера где-нибудь на Валдае, подальше от людей и сточных труб. Можно даже не купаться – просто зайти по колено в ледяную от бьющих со дна ключей воду, зачерпнуть ее горстью и пить, пить…

Если бы это было так просто! Некому пожаловаться, и некого подбить на обмен. Жаль, что Плоскость – не ад. Не ис-

ключено, что в аду можно вступить в сделку если не с самим дьяволом и не с клерком из его канцелярии, то уж во всяком случае с низовым персоналом, обслуживающим котлы и сковородки. Можно попытаться склонить какого-нибудь младшего истопника к злоупотреблению служебным положением…

С Природой не договоришься, она слов не разумеет. Тем более – помешавшаяся Природа, поминутно нарушающая свои собственные законы. Изолятор в дурдоме, где она чудит и бросается на стены, не в силах вырваться в реальный мир, – вот что такое Плоскость. Сказано давным-давно.

И до сих пор не опровергнуто.

Добро, если бы нарушались только физические законы – не страшно. Тем более что нарушаются они не везде, а так, местами… пусть даже места эти постоянно блуждают. Плевать. Можно приспособиться. К тому же не все эти места таят смертельные ловушки. Подумаешь – слегка обморозит, или придавит тяжестью, или ударит по ушам границей раздела зон воздуха разной плотности. Это чепуха. Хуже, что есть места, как будто специально придуманные для людей, чтобы жизнь им медом не казалась…

И уж совсем плохо с водой. Как в пустыне. Нет, умирают от жажды немногие и больше по глупости. Сиди в оазисе, пей вволю. Хоть купайся. Высунул нос за обозначенную границу – не взыщи. Кто ходит по Плоскости, тот должен уметь терпеть.

Лощина круто изогнулась. Сразу же за изгибом пошла полоса «горящей» земли, вся в трепете коронных разрядов. Холодное неопасное пламя трещало и пощипывало кожу. Потом пришлось обогнуть по склону холма небольшой – с лужу – участок жидкой земли, зябко дрожащий бестолковой рябью. Проводник указал знаком, что к жидкой земле приближаться не следует.

– А что будет, если наступишь? – не удержался от вопроса мальчишка.

– Сам станешь жидкой землей, только и всего. И лужа немного увеличится. Есть целые озера жидкой земли.

– Так она что – живая? Это животное?

Проводник только пожал плечами: откуда, мол, мне знать. И снова долго шли и долго молчали. Надо думать, мальчишка размышлял о том, скольких же людей сожрала эта лужа, и, наверное, самостоятельно приходил к выводу о том, что участки жидкой земли нарождаются крохотными и на беглый взгляд незаметными… пока кто-нибудь в них не вляпается.

Всё так. А ты гляди под ноги и чуть что – прыгай повыше и подальше. Малые, с блюдечко, лужицы слишком слабосильны, чтобы удержать и переварить человека. В наихудшем случае потеряешь обувь вместе с лоскутом кожи со стопы. Хромай тогда к ближайшему оазису, ругайся и лечись.

А пока будет нарастать новая кожа, большой участок Плоскости останется без пригляда. И кто-то из вновь при-

бывших будет помирать от жажды возле камня с надписью «Сиди тут, жди помощи», а кто-то, не дождавшись, начнет изучать окрестности, а то и пойдет без проводника куда глаза глядят…

Недолго им глядеть. До первой серьезной ловушки.

Минуту-другую хрустел под ногами гравий – обыкновенный, очень похожий на земной. Противно проскрипело застывшее стеклистое озерко. Зашуршал, осыпаясь, песок, тоже самый обыкновенный, не зыбучий. Все было как обычно. Лощина тянулась и тянулась, не думая кончаться. Урчало в животах. Спеклись губы. Воды бы… капельку!

Проводник вел уверенно.

До тех пор, пока шагах в ста впереди не сгустилось, взявшись неизвестно откуда, белесое облачко тумана. Только что там было чисто. Проводник встретил явление облачка кратким ругательством.

– Обойдем, – указал он направление. – Через гребень холма. Потерпите.

Видно было, что ему самому очень не хочется тащиться вверх.

– Никуда я дальше не пойду! – садясь на песок, истерически закричала женщина. – Шагу не сделаю!

– Тогда вы умрете, – равнодушно сообщил проводник.

Пожав плечами, он уже уходил вверх по склону холма, а за его спиной слышалось: «Мама, вставай! Ну вставай же, надо идти…» Женщина орала и отбивалась. Матерно обруганный

сынишка обиженно замолчал.

– Стоять! – разбуженным медведем рявкнул кряжистый. – Стоять, я кому сказал, козел!

Проводник не отреагировал. Не остановился, не оглянулся, даже не прибавил шагу. Он взбирался по склону неспешно, экономя силы. Казалось, для него перестали существовать трое встреченных им вчера людей.

– Ну все! Убью, падла!

Будто и не уставший, глава семейства штурмовал склон гигантскими прыжками. Проводник не оборачивался. В последний момент он неуловимо ушел вбок, избежав удара. Нападавший сунулся носом в землю и сейчас же с ревом вскочил.

– Трудный клиент, – изрек проводник, ни к кому не обращаясь.

– Ах ты!..

На этот раз кряжистый попытался ударить ногой. Теперь он стоял выше проводника, ему было удобно бить. Но удар почему-то не достиг цели, а кряжистый неловко упал на бок и покатился, подняв облако пыли.

– Достаточно? – спросил проводник, позевывая.

Ему и вправду было скучно. А еще было обидно оттого, что клиент попался глупый. Возись с ним… Нашел чем пугать: бурным наскоком, громким ором да волосатым кулаком!

Главное, нашел кого пугать! Владетеля здешних мест,

восьмой год топчущего Плоскость и все еще живого! Смешно и нелепо. Особенно со стороны того, кто наел килограммов двадцать лишнего мяса и сала, не поднимая притом ничего тяжелее кружки пива.

Матерясь, кряжистый вертелся всем корпусом, ища камень. Не найдя – взревел и кинулся в третий раз.

Первое нападение – уход с линии удара. Второе – уход и подсечка. Третье – уход и ответный удар. Давно отработанная процедура. Уж извини, если тебе, двоечнику, нужен третий урок…

– Па-а-а-а-па!!!

Мальчишка бежал вверх по склону. Его отец, проскочив мимо проводника, громко икнул, сложился пополам, прилег на склон и дико завыл. Внизу билась в истерике женщина.

– Не бей папу! Гад! Гад!..

– Ты видел, кто напал первым? – холодно осведомился проводник.

– Все равно! Все равно! Ты гад! – И сейчас же мальчишка нашел новый аргумент: – Ты хотел нас бросить, вот!

– Да ну? Я взялся довести вас до приличного места. Не хотите идти – дело ваше.

– Моя мама не может идти!

– Она может идти и пойдет. Иначе останется здесь и может симулировать сколько ее душе угодно. Носильщиков нет.

– Она свихнула ногу!

– Разве что мозги. Обычно люди ими не ходят.

– Она устала!

– Верю, – согласился проводник. – Но идти она может. Придется потерпеть. Кстати, к взрослым нужно обращаться на «вы», даже когда оскорбляешь их. Тебя этому не учили?.. Ну вот что, я сейчас пойду не торопясь. Если есть желание – догоняйте. Если хотите умереть быстро – ступайте в белый туман, он человека вмиг обгладывает. Хотите помучиться – сидите на месте. Пока.

…Все трое догнали его еще до вершины холма.

Часа через три удалось кое-как утолить жажду.

Воды в лощине не встретилось, ее следов не попалось и после, зато среди низких сыпучих дюн проводник нашел несколько сухих плетей какого-то растения. На каждой плети сидело не то сморщенное яблоко, не то безбожно перезревший пузатый огурец. Под грубой коркой оказалась горьковатая вяжущая мякоть с мелкими семенами. Ее можно было жевать, высасывая влагу.

Белесое небо потемнело, наступили сумерки. Кажется, немного похолодало, если только не шалило воображение. Проводник объявил привал и первый улегся на песок.

Он не спал. Лежал с открытыми глазами, глядел в серую небесную муть. Зачем она? Для чего служит эта пародия на белую северную ночь? Кому от нее польза? Может, растениям?

Не исключено. Хочется верить, что здесь хоть в чем-ни-

будь присутствуют зачатки смысла.

Мальчишка не подходил к нему – дулся. Женщина охала и жаловалась. Мужчина щупал ободранный нос, тихо ругался и не глядел в сторону обидчика.

Через час проводник скомандовал подъем. Двинулись дальше. Неровности рельефа кончились, и теперь всем стало понятно, почему этот мир назван Плоскостью. Скучная равнина таяла в дымке, заменяющей горизонт. Позади в такой же дымке исчезли дюны. Ни ложбинки, ни кустика. Как проводник умудрялся выдерживать направление без ориентиров, оставалось его тайной.

Один раз встретилась гравитационная аномалия, положительная и настолько серьезная, что даже проводнику пришлось преодолеть ее не иначе как на четвереньках, кряхтя под неподъемной тяжестью собственного тела. Трижды меняли направление, обходя внешне ничем не примечательные места. Несколько минут брели в густом, почти как вода, воздухе, и вот странность: этот воздух не пропускал звуков. Проводник показал жестами, что бояться не надо, а надо просто потерпеть. Видели вдали гнутый смерч, начинающийся у земли и в земле же заканчивающийся, похожий одновременно на арочный мост и на грязно-желтую радугу. Временами налетали порывы ветра – то горячего, как из печи, то ледяного. Ловушек не попадалось, а на подлянки Плоскость всегда щедра.

Серые сумерки рассеялись, снова наступил «день». Про-

водник шагал, как заведенный. Та малость влаги, что удалось высосать из странных плодов, осталась только в воспоминаниях. Всех мучила жажда.

Позади раздраженно зашептались, и вскоре мальчик опять догнал проводника.

– Мама просит сделать привал, – сообщил он неприязненно и зачем-то добавил: – Вот.

– Незачем, – последовал ответ. – Мы уже почти пришли.

– Скоро уже, да?

– Скоро.

Мальчик побежал сообщить родителям радостную весть и вскоре вернулся.

– А там правда хорошее место?

– Одно из лучших. Много воды. Много зелени. Большая плантация.

– Какая еще плантация?

– Там увидишь.

– А где мы будем жить?

– В коттедже.

– Коттедж – это круто, – с уважением сообщил мальчик. – А сколько этажей? У нас в Барвихе коттедж всего-навсего двухэтажный. И тачка у отца так себе, не очень крутая. Мы как раз поехали крутую покупать, и тут…

Проводник без интереса вторично выслушал историю о том, как ничего не подозревающее семейство ни с того ни с сего мгновенно перенеслось с Земли на Плоскость. Он мно-

го раз слышал подобные истории, а одну – о себе – мог рассказать и сам.

Но он не стал рассказывать, а спросил:

– Тебя как звать – Борис?

– Да. – Утвердительно кивнув, мальчик вдруг насторожился: – А что?

– Борис, ты не в сказку попал, запомни это. Твои родители этого еще не поняли. Молодые всегда легче привыкают, а старшим поначалу приходится трудно. Постарайся помочь им понять. Для их же пользы.

Трудно было сказать, понял мальчик или кивнул просто так. И сейчас же перевел разговор на другую тему:

– А вас правда, что ли, зовут Фома?

– Правда.

– А фамилия и отчество у вас есть?

– Зачем? – Проводник пожал плечами. – Они на Земле были нужны.

– А почему вы не сменили имя?

– Я сменил. Теперь я Фома, понятно? Не устраивает?

Мальчик хихикнул.

– Да нет, прикольно даже. «В одном переулке стояли дома, в одном из домов жил упрямый Фома…» Вы это в его честь, да?

– Глупости. Так меня называл Нсуэ, мой учитель, бушмен из Калахари. Я не знаю, что имя Фома означает по-бушменски. Трудный язык. Щелчки, хрюканье и ничего не поймешь.

Фома – это в русской транскрипции.

– А-а, – протянул мальчик. – Тогда понятно. А как вы с ним объяснялись?

– Он немного говорил по-английски. Но больше на пальцах.

– А чему вас учил этот бушмен?

– Всего лишь ходить по Плоскости и оставаться живым. Он наткнулся на меня, когда я уже совсем загибался от жажды. Мое счастье, что у него с собой были цама.

– Что было?

– Пустынные дыни, те самые, что мы ели. Они тоже родом из Калахари, бушмены в сухой сезон только ими и спасаются. Ну и мы тут… На Плоскость ведь попадают с Земли не только люди. Иногда и звери, и вещи, и семена растений.

– А-а…

– Бэ.

– Я только хотел сказать: странные дыни. Мелочь невкусная. Совсем они на дыни не похожи. А где сейчас этот бушмен? Посмотреть хочу.

– Он давно умер, – сказал проводник. – Думаю, что умер. Однажды ушел в обычный обход и не вернулся. Никто его с тех пор не видел, значит, умер. Где, как – Плоскость знает.

– А…

– Ну хватит! – оборвал проводник. – Видишь вон там впереди пятно? Это и есть оазис. Иди обрадуй родителей.

– Ни фига себе «обрадуй»! – возмутился мальчик. – Да

тут еще целый час топать!

– От силы полчаса. Я же сказал: мы почти пришли, привал не нужен…

Глава 2

– И это – коттедж?!

Кривобокая хибара невеликих размеров выглядела как нарочитый шедевр зодческого безобразия. Неизвестно, какие инструменты использовал ее строитель, но отвеса он не знал в принципе. Стены, сложенные из дикого камня на сомнительной связке из рыхлой глины, шли волнами. Одну из трех стен рассекала трещина, в которую без труда пролезал кулак, а четвертой стены не было вообще – не считать же стеной прободенный дверным отверстием корявый плетень, не достигающий ростом потолка! Да и щелистый потолок, сработанный из такого же плетня, вынуждал пригибаться – не столько для того, чтобы не набить шишку, сколько для того, чтобы уберечь конструкцию от повреждений. Окон в строении не было.

– Это коттедж, – объяснил проводник.

– Ха! – Мальчишка жизнерадостно заржал. – Во прикол!

Его родители были настроены не столь юмористически.

– Не в этой же лачуге… – начала женщина, выискивая взглядом более достойное строение. Напрасно: насколько хватал глаз, в широкой котловине не наблюдалось никаких иных сооружений, если не считать обложенного камнями колодца с грубо сработанным воротом. Плоское дно котловины буйно зеленело, там вовсю росла молодая трава, и ветерок

доносил запах воды. Пологие склоны тоже поросли сплошным соломенно-желтым ковром, очень приятным на вид после надоевших пустынных ландшафтов. Вот только больше ничего в котловине не было.

Взгляд проводника ясно давал понять: «В этой лачуге, в этой…» – но вслух было сказано совсем иное:

– Вода в колодце, можно пить.

Они устроили бег наперегонки и для начала едва не сломали ворот. Потом нетерпеливо и склочно утоляли жажду, вырывая друг у друга из рук сплетенное из лыка ведерко. Проводник подождал, пока они напьются и наругаются вволю, потом достал из колодца воду для себя. Она ничем особенным не пахла, вода как вода, но сейчас ему чудился тухлый привкус. Он знал, что это лишь игра воображения.

– А кто тут раньше жил? – спросил мальчик.

– Один человек.

– Он ушел отсюда?

– Куда? Он устал жить и не придумал ничего лучше, как утопиться в колодце. Мне потом пришлось вытаскивать тело.

Сказано было буднично, проводник просто сообщал сведения, но женщина с криком зажала обеими ладонями рот. Мужчина сделал кадыком судорожное движение.

– Ы-ы… – только и выдавил он.

– Не беспокойтесь, ту воду я давно вычерпал, – пояснил проводник. – Я же сказал: можно пить.

– Слушай, как тебя… – угрюмо обратился к нему мужчина. – Ты куда нас привел?

Прежде чем ответить, проводник неторопливо снял с себя обтерханный рюкзачок, выудил из его недр пустую фляжку, наполнил ее доверху, тщательно закрутил колпачок, вернул фляжку на место и снова продел плечи в лямки.

– Туда, где вы будете жить, – снизошел он наконец до ответа.

– Чего-о?! Ты, козел, кого кинуть хочешь? Я сказал – веди в нормальное место!

Проводник не реагировал. Лишь скука отражалась на его лице.

Сколько раз он слышал такое! Упреки, слезливые жалобы, ярость вновь прибывших, попытки избить негодяя, затащившего доверчивых клиентов неведомо куда, – все это уже было. И всегда кончалось покорностью… у тех, кто нашел в себе силы жить.

Можно сказать и иначе: у тех, кто не нашел в себе сил умереть, отринув раз и навсегда такую жизнь.

– Хочешь снова ударить? – холодно осведомился проводник. – Ты ведь уже пробовал. Надо ли повторять ошибки?

– Витя, дай ему денег, пусть подавится! – сквозь слезы выкрикнула женщина.

– Заткнись! – рявкнул на нее муж и, поколебавшись, снова обратился к проводнику. Теперь его тон был совсем другим. – Слышь, мужик, тут такое дело… Ты не бери в голову.

Я погорячился, ты погорячился, что было, то прошло. Забыли, а? Я ведь хочу, чтобы все по уму было. Ты ведешь, мы платим. Денег у нас, правда, не вагон, но неужели два нормальных мужика между собой не договорятся? Так что скажешь, а? Отведешь?..

– У вас много денег, и это хорошо, – сообщил проводник. – Будет чем подтираться на первых порах. Потом научитесь подмываться, вода рядом.

– Слышь, мужик, ты это… не борзей.

– Вы что, еще не поняли? – Проводник слегка повысил голос, впервые показав, что и его терпение имеет границы. – Этот оазис – одно из лучших мест во всей округе. Не желаете в нем жить – уходите. Это моя земля. Хотите остаться – оставайтесь, но за это вам придется платить. Деньги на Плоскости не в ходу, поэтому вам придется работать на плантации и отдавать мне десятую часть урожая. Правда, иногда вы будете получать от меня кое-какие полезные мелочи…

Мужчина медленно наливался свекольным цветом. Мальчишка разинул рот. Женщина истерически захохотала.

– Да он издевается над нами!..

Подняв глаза к бесцветному небу, проводник сделал глубокий вдох.

– Запоминайте с одного раза, повторять мне некогда. В коттедже в мешках зерно – это еда. Три мешка стоят отдельно, это посевной материал. Посуда в коттедже. Вот вам коробок спичек, их надо экономить. Дрова – вон те кусты на-

верху, их тоже надо экономить. Зарубите на носу: удаляться от котловины дальше ста шагов смертельно опасно. Вот те зеленые посевы – рис. Он должен расти в воде. Со дна котловины бьют ключи, но их не хватает. Тогда надо черпать воду из колодца и спускать ее вон в тот желоб. Чем скорее начнете, тем лучше. Видите, палка воткнута? Она должна стоять в воде, тогда рису будет хорошо. Вон там – участок для рассады, он сейчас пуст. Желтые поля по склонам – овес и пшеница. Когда наступит время жатвы, я вернусь и подскажу, что делать. В коттедже на стене висит серп, самодельный, зато настоящий, его берегите особо. Вон там огород, сами разберетесь, но на первых порах очень-то на него не рассчитывайте, он запущенный. Рис и овес – ваша главная еда, запомните это накрепко. Придется трудиться, лентяи на Плоскости мрут от голода.

– Ну ни хрена себе, – только и вымолвил глава семейства, продолжая багроветь и по-рачьи пуча глаза.

– В общем, устраивайтесь, привыкайте. Скоро я вас навещу. А сейчас мне пора, меня ждут другие…

– Э, ты погоди… – Казалось, мужчину вот-вот хватит удар. – Стой, говорю! Мужик, ты чего ваньку валяешь? Мы тебе что тут – рабы крепостные?

– Я не мужик, – флегматично возразил проводник.

– Ха, значит, баба?

– Феодал. Мужики работают на земле, феодал этой землей владеет. Доступно?

– Ты чё, перегрелся? Стану я тебе работать в поле! Маш, ты слыхала – я в поле!

– Все трое, – сказал проводник. – Плантация большая, одному тебе не управиться. Твой предшественник едва успевал поворачиваться, а ведь от сохи был, крестьянская косточка. Коттедж сам починил. Он большой, на троих места хватит.

– Блин! Коттедж!

– Конечно, коттедж. Английские коттеры в таких и жили.

– Сам ты коттер-поттер! Маш, ты гля! Это чмо думает, мы тут останемся! Да еще будем ему десятину платить!

– Конечно, будете.

– Давай веди нас отсюда в нормальное место!

Проводник смерил кряжистого долгим-долгим взглядом. Да, тяжелый случай…

Надо было сразу встречать их по модели «хозяин» и жестко диктовать условия. Вот так и расслабляешься, если несколько клиентов подряд в этом не нуждаются. Сперва решил, что и эти сами допрут, что к чему. Обрадовался – в кои-то веки встретил соотечественников! Надо было насторожиться. Эх, Россия… Неужто главная твоя беда – россияне?

– Не советую идти за мной в хвост, – сказал он. – Где пройду я, там пройдет не всякий. Я ведь вас теперь беречь не стану – чего ради? Ну, идешь? Иди. Через час будешь мертвый, это я тебе обещаю…

Уходя, он слышал, как жена пилит мужа, называя его кре-

тином и тряпкой, и как муж угрюмо отругивается. А десятилетний Борька в диспуте не участвовал – он был занят исследованием нового места жительства. Кажется, оно ему даже нравилось.

Давно пропал в дымке за спиной оазис с оставленной в нем на жительство непростой семейкой, а душевное спокойствие так и не вернулось. Фома был очень недоволен собой. Потерял уйму времени. Отдал скверным людям хороший оазис. Не самый лучший, тут он немного приврал, но все же вполне приличный, многие были бы ему рады. Надо было сразу плюнуть на таких клиентов и бросить их подыхать, а нет – отвести к Трем Дюнам. Так было бы лучше – уж во всяком случае для плантации. Можно себе представить, как они там нахозяйствуют…

Помешал мальчишка, мелкий шкет, из которого родители еще не успели вылепить свое ухудшенное подобие. Пусть, по восточной поговорке, сын – это полтора отца, но он-то пока в чем виноват? Родителей не выбирают. Станет повзрослее – тогда ему можно будет предъявить счетец. Начиная с некоторого возраста каждый обязан воспитывать себя сам. А молодец пацан, фу-ты ну-ты, боевым петушком налетел, защищая папашу…

Тот ему этого долго не простит.

Обремененный ненужными мыслями, Фома едва не влетел во внезапно открывшийся черный провал – круглый ко-

лодец никем еще не измеренной глубины. Провал был средних габаритов, метра два в диаметре. Обругав себя за лопоухость, Фома сделал шаг назад. Провал остался на месте, но как будто уменьшился вдвое. Еще шаг назад – и дыра в твердой, как песчаник, земле исчезла. Полшага вперед – вот она, совсем маленькая, сильно искаженная, рождающаяся как бы из ничего. Одна из подлых ловушек Плоскости и, кстати, одна из наименее гибельных. Конечно, кто упал в дыру, тот пропал, тут и говорить нечего, но черные провалы страшны лишь раззявам. Не беги и все время гляди под ноги – вот и вся профилактика. Тривиально.

Может, и хорошо, что в мутном небе Плоскости не бывает ни светил, ни облаков. Астрономы, метеорологи и эстеты гибли бы пачками. Этот мир с трудом терпит земледельцев и совершенно не выносит мечтателей. Раззявил варежку, загляделся, отвлекся на постороннее – сам виноват.

Километр за километром оставался позади. Как всегда, налетали шквалики, то обжигающе-жаркие, то ледяные. Твердая почва перемежалась с песками, и тут приходилось удваивать осторожность: среди местных песков попадались и зыбучие. Вдали в полном безветрии с далеко слышным шелестом ползли навстречу друг другу две дюны – столкнувшись, замерли. Противно извиваясь, пролетел без дела колючий проволочник – шипастая несъедобная тварь, умеющая подниматься в воздух без всяких видимых приспособлений. Перебежала дорогу гигантская, в полметра, многоножка и

внезапно пропала из виду – надо думать, в том месте прятался еще один черный провал. Все было как обычно.

А дел оставалось выше крыши. Внушить тупому канадцу, полгода назад поселенному в маленьком – на одного – оазисе, что он зря пытается держаться за статус свободного фермера: ни у кого это не получалось, и у него не получится. Затем проверить, как живут Автандил, Юсуф и чета Пурволайненов. Раздать заказанное ими барахлишко. Отдохнуть. Поесть, попить и поболтать. Почувствовать, что нужен людям, привязанным к крохотным оазисам, как глоток свежего воздуха.

Слишком тяжело жить на каком бы то ни было свете, если никому не нужен.

С Юсуфом было легче всего. Он с самого начала необычайно покладисто воспринял весть о том, что земля, на которой ему и двум его женам – Фатиме и Сеиде – предстоит жить, уже принадлежит кому-то, и был приятно удивлен малым размером оброка. Назад в Йемен он не рвался и сильно окреп на полевых работах в своем оазисе, мирно выращивая ячмень, ухаживая за десятком чайных кустов и мечтая о хлопчатнике. Кажется, его удручало лишь отсутствие малейших намеков на мак и коноплю среди местной растительности. Поначалу он, правда, чуть не сошел с ума, пытаясь постичь, куда его с женами занесло по прихоти Аллаха, но потом успокоился, решив, что иншалла.

А с канадцем по имени Джордж Приветт было тяжелее

всего.

– Привет, Приветт! – как всегда, по-русски обратился Фома к канадцу, ковыряющемуся на маленькой плантации, и, как всегда, сейчас же перешел на английский: – Как поживаешь? Не надоело еще сидеть на моей земле?

Маленький чернявый канадец с толстыми очками на облупленном носу, похожий на кого угодно, только не на фермера, хотя у себя в Канаде он был именно фермером, отбросил тяпку и без большого воодушевления приветствовал визитера:

– Хэлло, Том. Мне жаль, но ты ошибаешься, это моя земля.

– Вот как?

– Покажи документы на право владения, тогда поговорим.

Фома фыркнул.

– Ты опять? Какие здесь могут быть документы, ну скажи: какие? Кто их выдаст? Я сам себе их выдам?

– Тогда разговора не будет.

– Слышь, Джордж, а у тебя документы на право владения этой землей имеются? Раз уж ты такой законопослушный – будь добр, предъяви.

– У меня нет документов, – с готовностью признал канадец. – Я занял пустующую землю, на которую никто не претендовал. Я нигде не видел ни оград, ни заявочных столбов. Я не видел документов. Прежний хозяин не приходил ко мне с претензиями. Я работаю на этой земле. Она моя.

– Да ты, парень, прямо социалист! – Фома не выдержал – прыснул. – Вот уж не ожидал. Кстати, никакого прежнего хозяина не было. Был прежний арендатор и платил мне десятину…

– Если хозяина не было, тогда и говорить не о чем.

– Есть о чем, поверь. Скажи, где бы ты был сейчас, если бы я не привел тебя сюда? Нет, я лучше спрошу, кем бы ты был, потому что где – никому не интересно. Не знаешь? Я отвечу: то ли сухой мумией, то ли вообще никем, пропал бы без следа. Тут это запросто. Ты жив, парень! Плохая ли, хорошая ли, но это жизнь! Ходить по Плоскости ты не умеешь, я видел, так что в ученики ко мне не просись. Кем тебе еще быть, кроме как крестьянином на моей земле?

– Свободным фермером. – Канадец упрямо гнул свое. – Я благодарен тебе, Том. Но я сам себе хозяин.

– А сумеешь?

– Почему бы и нет? Соберу урожай, продам излишки, куплю технику…

Фома только пожал плечами, изобразив мимикой иронию. Было в этом сморчке что-то трогательное. Пришибить шибздика – и не пикнет, а поди ж ты – стоит на своем, как утес, что мохом порос. Мозги у него мохом поросли, а вернее, их никогда и не было. Слушаешь и не знаешь: то ли побить дурачка, то ли и дальше умиляться.

– Очнись, Джордж! – вымолвил он наконец. – Не я же выдумал такой порядок. И никто не виноват, что ты здесь очу-

тился. Так получилось. Плоскость не такова, какой тебе хочется ее видеть. У нее свои законы. Они диктуют, кем тебе быть: или зависимым крестьянином, что скорее всего, или феодалом. Третьего не дано. Пойми, феодал служит связующим звеном между обитателями оазисов. Феодал ходит по Плоскости и остается цел-невредим. Тут нет ничего сверхъестественного, это просто талант. И я знаю талантливых людей, избравших сидячую жизнь взамен опасной. Крестьянам от феодала прямая выгода: он и нужную вещь принесет, и сообщение передаст, с ним, наконец, можно просто поболтать, отвести душу. Не бесплатно, конечно. Взамен он получает натуральный оброк, не очень, кстати, обременительный, и гостеприимство. Ну еще, если война с соседями, феодал созывает ополчение, только войн при мне не было, мир везде…

– Хорошенькое дело! Еще и воевать за кого-то!..

– Припрет – придется. Ты вот что усвой хорошенько, Джордж: феодализм на Плоскости своеобразный. Это по сути выгодный всем симбиоз. Только так тут и можно выжить, а иначе сгинешь. Свободного рынка здесь нет и техники тоже. Не хочешь платить оброк лично мне – ладно, я не гордый, отведу тебя к соседям. Только у них будет то же самое, если не хуже. Это я тебя пока что уговариваю, а другой возьмет да и сгонит с земли – иди подыхай, раз такой непонятливый…

Против воли в его голосе прозвучала угроза – упрямец действовал-таки на нервы. Уловив чутким ухом изменение

тона, канадец проворно схватился за тяпку – давай, мол, подходи, кровосос.

– Не беспокойся. – Фома подавил усмешку. – Я не собираюсь ни бить тебя, ни убивать, ни сгонять со своей земли силой. Сам уйдешь. Ты на тяпку-то свою посмотри внимательно. Ничего не замечаешь?

Опасаясь подвоха, канадец мельком обозрел свое орудие труда и отрицательно помотал головой.

– Смотри внимательнее и не бойся, я на тебя не прыгну. Ну? Ничего не замечаешь? Ты не на дерево, ты на железо смотри. Похоже на настоящее, верно? А только оно эфемерное, и весь твой инструмент эфемерный. Я сам его выспал. Скоро он распадется в пыль, и что ты тогда делать будешь? Обходиться деревяшками или пяткой землю ковырять? Посуду из глины лепить начнешь? Иди, поищи хорошую глину. Огонь уже сейчас трением добываешь?

– Пока нет…

– Тогда начинай тренироваться, скоро пригодится. Вот что, Джордж… я к тебе теперь долго не приду. Живи как знаешь, авось не помрешь. И если в мой следующий визит ты не поумнеешь, я к тебе перестану заходить вообще. Ничего, не обеднею. А вот ты через год-другой одичаешь и начнешь сходить с ума. Десять против одного: сам пойдешь искать людей. Сто против одного: сгинешь. Поверь, я знаю, что говорю, ты ведь здесь не первый гордец…

Ни тени сомнения не прочитал Фома на лице Джорджа и,

уходя, бросил через плечо:

– И болван тоже не первый…

В этой части его владений, примыкающей к владениям соседа – китайца Бао Шэнжуя, – оазисы встречались часто. Не прошло и часа, как вдали из воздушной мути проявилось зеленое пятно плантации, а еще через час Автандил ревел, схватив Фому в охапку, крутя и подбрасывая в воздух:

– Пришел, дорогой мой! Давно жду тебя. Гость пришел – праздник, да? Мой дом – твой дом. Да. Заходи, дорогой, кушать будем, я лаваш испек. Почти совсем хороший лаваш. Слушай, ты что кислый такой? Совсем лимон, да. Мужчине киснуть не годится, если он мужчина. А ты мужчина. Да.

– Задавишь, черт! – просипел Фома, силясь рассмеяться. – Отпусти, медведь! Поставь где взял, борец греко-римский…

Насколько он знал, Автандил в давно прошедшей молодости не занимался никакой спортивной борьбой, но телосложение для нее имел самое подходящее. К квадратному – не ухватить – низенькому туловищу крепились длинные и, как ни странно, совсем не мускулистые, а просто очень толстые волосатые руки неимоверной силы. Был Автандил почти лыс, густо бородат, двигался проворно и всегда напоминал Фоме краба, но на такое сравнение, пожалуй, обиделся бы. Что краб! Несерьезный зверь, щипаться только горазд. Медведь – еще куда ни шло. Хотя в воображаемой схватке

между Автандилом и бурым медведем средних размеров Фома поставил бы на Автандила.

Не шота-руставелиевский витязь-плакса, что «восьмерых схватив злодеев, ударял в девятерых», нет. «Злодеев» он уничтожал бы поодиночке, тратя на каждого не более секунды. И без особых эмоций.

– Ва, борец! – обрадовался Автандил и, бережно поставив феодала на грунт, наградил таким хлопком по плечу, как будто забивал сваю. – А что, я бы смог, да? Зачем раньше не сказал? Я большим человеком мог стать. Шучу, да. Пошли в дом, гость дорогой. Извини, вина нет. Брагу пью и о вине мечтаю. Да. У меня дома в Манглиси виноградник был, во сне его вижу. Вино немного делал, тонны две в хороший год, чачу делал. Не на продажу – для себя, для гостей. Хорошая была чача. Здесь мне хоть одну бы лозу, да?..

Улыбаясь, Фома вынул из рюкзачка туго свернутую тряпицу, развернул на ладони. Внутри лежали две виноградные косточки.

– Сюрприз.

Он приготовился к тому, что от рева Автандила сейчас заболят барабанные перепонки. Но Автандил не стал реветь. Автандил прослезился. Мозолистые коричневые ладони его дрожали, принимая драгоценность.

– Откуда, дорогой?!

– Выменял на укроп. Только я не знаю, как их проращивать, ты уж сам.

– Я знаю! Да! Я выращу! Черенок лучше, но и косточка прорастет, да. Не все умеют. Я умею. Дай срок – целый виноградник будет! Вином дорогого гостя встречать буду! Петь будем. Я тебя на два голоса петь научу.

– Не выйдет, – смеясь и тыча себя в ухо, отвечал Фома. – Мне не медведь наступил, по мне стадо мамонтов топталось. У меня и в школе по пению трояк был…

– Так плохо пел, да?

– Если бы только это, была бы четверка. Так плохо себя вел. Однажды крысу поймал и в школу принес, чтобы в пианино засунуть, за этим занятием меня и застукали. Ненавидел пианино как класс, зверел от его звука…

Автандил не дослушал – побежал прятать куда-то драгоценные семена. Но сейчас же вновь появился на пороге хижины, приблизился, обнял с чувством и столь бережно, что кости благодетеля даже не крякнули.

– Прости, дорогой. Пойдем в дом. Да. Вина нет пока – чай пить будем. И совсем немножечко браги, да?

Радушный хозяин, он знал, что Фома брагу терпеть не мог, но исповедовал принцип: не хочешь пить – не пей, но пригуби, сделай хозяину приятное. А потом – ладно уж, чай.

Больше суток – по личному, внутреннему чувству времени – выносить общество Автандила было трудно, но в пределах этого времени ничего лучшего не надо было. А когда Фома подцепил от новоприбывших какую-то инфекцию и всерьез заболел, Автандил в три дня поставил его на ноги тош-

нотворными, но живительными отварами из одному ему ведомых местных травок и корешков. На него можно было положиться всегда и во всем. Фома много раз жалел, что Автандил не умеет, ну совершенно не умеет ходить по Плоскости. Все ловушки и подлянки притягивали его, как магнит железо. Будь иначе – честное слово, предложил бы ему пойти в напарники. И стало бы в одном феоде два феодала, и справляться с делами удавалось бы куда легче…

Почему всегда так бывает: надежные неспособны, а способные ненадежны? Загадка природы.

Внешне дом Автандила мало чем отличался от давешнего «коттеджа» на староанглийский батрацкий лад или беднейшей горской сакли. Каковы стройматериалы, таково и жилище. Зато внутри на каждом шагу чувствовалась любовная рука хозяина. Полочки по стенам, посуда, кривоватый, но крепкий стол… Очаг, правда, не имел дымохода, но был сложен крепко из добротных массивных камней. Чего стоило отыскать и приволочь сюда эти камни, бракуя негодные! Дым поднимался к потолку, висел под ним плотным облаком, коптил хворост кровли и уходил в щели. Кому нужна крыша без щелей в мире, не знающем, что такое дождь, снег и палящее солнце? Строго говоря, она вообще не нужна, как не очень-то нужно и жилище.

Иллюзия. Понятие крыши над головой выше примитивного здравого смысла. И очень хорошо, что выше.

Таков же был и надел Автандила, самый зеленый и ра-

дующий глаз во всем феоде. Хозяин работал на нем мощно и безотказно, как умный и надежный сельскохозяйственный механизм. Поле пшеницы, поле ячменя, чайные кусты и большой огород не давали ему сидеть без дела. В образцовом порядке содержались не только угодья, но и весь оазис, явно великоватый для одного человека. Ничего не валялось зря, все радовало глаз. Недалеко от весело журчащего родника зеленело с полдесятка молодых, еще не плодоносящих шелковиц. Теперь, надо надеяться, будет взращен и виноградник… Выменянные у соседей драгоценные семена Фома первым делом нес Автандилу, резонно полагая, что уж если он не сможет их прорастить, то никто не сможет. И уже после Автандила посевной материал расходился по феоду вместе с невесомым грузом советов по уходу за новой культурой.

Фома присел за стол на плоский камень, служивший табуретом. Хозяин водрузил на стол две грубо слепленные пиалы, в одну налил из бурдюка чуть-чуть, вторую наполнил вскрай. Сдув со стола несуществующие крошки, бережно положил свернутый вчетверо лаваш – и хорошо, что свернутый, иначе он свисал бы со столешницы. Как и на чем Автандил ухитрялся выпекать лепешки таких размеров, оставалось его тайной. К резкому запаху браги сейчас же примешался не менее сильный запах свежевыпеченного хлеба с незнакомым букетом пряностей – Автандил, как всегда, экспериментировал.

Фома повертел в руках пиалу:

– Сам сделал, сам обжег? Мастер. А где глину такую взял?

– А, тут хитро надо, – обрадовался Автандил. – Где родник, там и глина, да? Плохая глина, но глина, да?

– Вестимо плохая. Ни в одном оазисе дельной глины нет – разве что суглинок.

– И у меня нет. Я скажу, как надо. Копаешь яму, отводишь туда воду, да? Кидаешь туда этот… как ты назвал… суглинок? Да. Мелко крошишь и кидаешь. Крутишь, вертишь эту воду, мутишь по-всякому, потом даешь отстояться. Понимаешь, да? Песок на дно ушел, утонул совсем, а глина попозже сверху легла. Черпай, дай чуть подсохнуть и лепи, да?

– Просто-то как, – поразился Фома. – А ведь это опыт по природоведению, четвертый, кажется, класс. Почему это мне в голову не приходило?

– Не горюй, дорогой! – всплеснул руками Автандил. – У тебя другая работа, другие мысли. Как можно иначе? Я тебе скажу: так и должно быть. Да. Ты кушай, кушай. Черемша тут, укроп, базилик и еще одна местная травка, не знаю, как ее зовут. Вкусная. Съел – живой хожу. Жаль, кинзы нет и чеснока. Да.

– И перца, – согласился Фома. – Да и соли мало. Извини, я не принес. В другой раз – обязательно.

– Какой разговор? У меня еще есть немного соли, зачем больше? Грибы солить, да?

Автандил сам не заметил, как допустил бестактность, упо-

мянув о вкусной, но недоступной еде. Рот Фомы мгновенно наполнился слюной. Любил он в той, прежней жизни соленые грибы, ох любил… Сам не солил, но покупал, когда деньги были. Крепенькие грузди, рыжики, даже белые… Бытует мнение, что белые грибы не годятся в засол. Полная чепуха! Трудно придумать что-либо вкуснее.

И вот ведь подлость какая: на Плоскости грибы не растут. В смысле, не растут земные грибы. Иногда ветви корявых кустов покрываются ярко-оранжевыми наростами, по-видимому, грибного происхождения, но это местные грибы, их есть нельзя. А ведь люди попадают сюда отовсюду, самые разные люди, в том числе грибники, туристы или охотники, внезапно выхваченные из леса, и быть того не может, чтобы они не занесли сюда грибных спор, как занесли по случайности семена полезных растений. Пустынные дыни цама разбросали свои плети по местным дюнам задолго до бушмена Нсуэ. Никто не упомнит, когда появились рис, ячмень, пшеница и подсолнечник. Плоскость обитаема испокон веков, люди забрасываются сюда достаточно регулярно, и у каждого в кармане или за подкладкой может случайно заваляться какое-нибудь семечко. По приблизительной статистике, у каждого сотого, что вовсе не так мало. Так время от времени появляются новые культуры. Иногда удается даже улучшать сортность. А вот грибы почему-то не приживаются…

Тост за дорогого гостя Автандил произносил минут пятнадцать, так что, дослушав до середины, Фома забыл, в чем

заключалось начало, а к концу делал героические усилия, чтобы не клевать носом. Удивительно, насколько различны люди из числа осевших в небольших оазисах одиночек: кто-то, привыкнув подолгу молчать, быстро становится угрюмо-нелюдим, лишнего слова из него клещами не вытянешь; кто-то, напротив, только и ждет случая окунуть нечаянного собеседника в словесный водопад…

Впрочем, было складно и торжественно. Фома пригубил бражку и жадно набросился на лаваш. Казалось, в жизни не ел ничего вкуснее. В искусстве хлебопечения Автандил достиг совершенства.

А в чем он не достигал его? За все брался, и все у него получалось. Если на столе не было овощей, то только потому, что урожай с огорода собирался тогда, когда не было работы в поле. Иначе ведь не управиться одному, хоть разорвись и не спи.

Остаток браги Фома выпил за покойницу Ламару, и не зря. Уже три года Автандил жил без хозяйки, отвергая предложения привести ему женщину из новоприбывших. Отверг и на этот раз:

– Слушай, к чему, дорогой? Ламара одна была, да. Спасибо, что вспомнил о ней. Другой такой не бывает, а если женщина хуже – зачем она мне? Я ведь и один со всем управляюсь, да?

– Управляться-то ты управляешься, всем бы так управляться, да только в гроб себя загонишь. Оазис твой явно на

двоих, зачем же одному пахать?

– Я слабый, да?

– Ты сильный, вот потому-то еще не надорвался. Но надорвешься, дай срок. Скажи честно, может, ты жить не хочешь?

– Почему жить не хочу? – горячо возразил Автандил. – Очень даже хочу. Да. Солнца нет, плохо. Дождей нет, плохо. Ламара умерла, один остался, опять плохо. Зато гость пришел – радость. Виноград будет – еще радость. Нет, дорогой, жить лучше, чем не жить. Да. Не жить – это совсем ничего не ждать, а я жду. Мне интересно.

Чего он ждет, Автандил не пояснил. А Фома подумал, что на его месте давно бы повесился с тоски или вышел за пределы оазиса с целью вляпаться в первую же ловушку. Нельзя даже сказать о длинной веренице однообразных дней – здесь и дней-то нет! Да, люди очень разные… И это замечательно, что они такие разные!

Потом его начало всерьез клонить ко сну, но он еще нашел в себе силы вымыться. Можно даже сказать – принять ванну. В оазисе Автандила из земли в трех шагах друг от друга выбивались два родника – один холодный и чистый, как ледниковый ручей, второй мутноватый и очень горячий, с клубящимся паром. В твердом грунте Автандил выдолбил большую прямоугольную яму и отводил в нее воду обоих ключей. Получилась почти настоящая ванна, работающая в контрастном режиме – с одного боку то и дело обжигало ледя-

ной водой, с другого грозило ошпарить крутым кипятком. Из ямы вытекал тепловатый ручей и шагах в двадцати без остатка впитывался в почву. С ирригацией полей у Автандила были проблемы.

Рыча и повизгивая от наслаждения, Фома скреб тело ногтями, драил песком, мылил глиной и все никак не мог остановиться. Устав, вылез, кое-как обсох на теплом ветру, едва нашел в себе силы дойти до лежанки в «сакле», голый упал на подстилку из пахучих трав и немедленно отключился. У Автандила можно было спать сколько угодно без боязни не проснуться. Автандил не только не мог, но и не желал стать феодалом, устранив соперника ударом камня или ножа. Любой феодал на Плоскости знает: не всякий оазис – повод расслабиться. Люди завистливы. Хотя завидовать-то особенно нечему…

Ведь не свободе же феодала. Его свобода – это лишь свобода перемещаться в границах своего феода, сплошь и рядом рискуя сильнее, чем допускается здравомыслием. Нет у него иной свободы.

Каторга. Кабала. Тюрьма.

Толстогубые рыбы с глупыми мордами вновь окружили его во сне и свободно парили в зеленоватой мутной толще, бессмысленно тараща глаза на застрявшего в клейкой среде человека, отчаянно пытающегося освободиться. Они не понимали, чего желает это странное извивающееся существо. Рыбы глотали воду, шевеля жаберными крышками. Вот как

надо дышать. Воздух – зачем он? Чего хочешь ты, непонятный? Кто ты? Кому нужен? Если можешь, так всплывай, не жди. Скатертью дорога.

Но если ты не в силах всплыть – зажмись и не дергайся. Что, не хочешь?..

А придется.

Потому что нельзя уметь делать все, что захочется, и оставаться при этом обыкновенным смертным. Пока ты человек, всегда найдется что-то сильнее тебя.

Запомни. Это так верно, железобетонно верно, и так просто.

Проще некуда.

Глава 3

Когда Фома проснулся, его одежда была уже выстирана и высушена Автандилом, а на столе стоял скромный завтрак. На сей раз брага не была предложена: пить перед выходом – себя не беречь.

Самое главное – вокруг не валялось никаких гипсовых форелей, не говоря уже о более причудливых порождениях сна. Иные из них бывают столь велики размерами, что непременно порушили бы Автандилову «саклю». Как все-таки здорово, что Плоскость, почти сплошь состоящая из аномальностей, столь скупа на места, где материализуются сны! Строго говоря, в каждом нормальном феоде есть только одно такое место. Будь два, расположенных не рядом, а поодаль друг от друга, – и рано или поздно обязательно возникнут два феода и два феодала. Не сыщется ни одного – не будет и феодала, хотя оазисы останутся. Наверное, где-то есть такие места…

Фому передернуло, отчего он окончательно проснулся. Это надо же – жить вольным крестьянином, не имея ни элементарной утвари, ни простейших орудий, пусть эфемерных. А главное – жить вечным отшельником без связи с другими людьми. Робинзоном без Пятницы и без надежды. При том, конечно, условии, что заброшенному на Плоскость человеку вообще удастся добраться до оазиса без помощи фе-

одала, что само по себе маловероятно…

Фома сам не понял, сколько времени проспал. Наверное, много. Не Автандила же спрашивать – сколько; он часов не наблюдает. Уступив дорогому гостю свою лежанку, хозяин, кажется, не ложился вовсе. Пролезая в ветхие штаны, Фома обнаружил, что прорехи аккуратно заштопаны. Ну да, верно: в прошлый раз Автандил получил иголку и нитки… эфемерные, конечно. Год-два штаны еще продержатся, и на том спасибо.

Фома вздохнул. Как ни береги одежду, что была на тебе, когда ты попал сюда с Земли, она снашивается, и неизбежно приходит время облачаться в эфемерное, выспанное. А штаны не катушка ниток и гораздо раньше обратятся в пыль – положим, без штанов не замерзнешь, но мало приятного ходить, отсвечивая задом. На Плоскости нет животных со шкурами, подходящими для шитья одежды. Здесь слишком жарко, чтобы хоть кому-нибудь удалось вырастить лен, хотя попытки были очень настойчивыми. И хлопка нет. То есть, возможно, он есть где-нибудь у дальних соседей, но поди проверь, что у них есть. Во всяком случае, на обмен он не поступает…

Решено: как только у Автандила начнет плодоносить виноградник, половину семян надо будет забирать в счет оброка и менять их на семена хлопка. Только на них и ни на что другое.

Найдутся умельцы прясть и ткать. Человек всему может

научиться. Никто ведь не требует, чтобы получались ткани экстракачества. Главное, чтобы они вообще получались. А шить одежду – это уже совсем просто…

Думая так, Фома ел и болтал с гостеприимным хозяином. Странное дело: в отношениях с Автандилом он частенько забывал о том, что эта земля – его и что Автандил, как все, сидит на оброке, платя феодалу за оазис и право на жизнь. И когда хозяин приволок мешок муки, Фома почувствовал неловкость и сделал протестующий жест.

– В другой раз возьмешь, да?

– Совсем не надо. Я у тебя ел, пил, мылся…

– Зачем обижаешь, дорогой? – Автандил нахмурился. – Ты пришел – мне радость принес, да. Я на одном месте сижу, как дерево, а ты много ходишь, большое дело делаешь. Скольких ты людей выручил? Есть у тебя время землю копать? Кушать феодал должен, да? Ходи, встречай людей, учи их. Без феодала совсем никуда не годится. Бери, не обижай.

Спорить с его логикой было невозможно, как невозможно таскаться по Плоскости с пятипудовым мешком на плечах. Иные земледельцы с трудом могли прокормить себя, а Автандил снимал хорошие урожаи. Сам молотил, сам веял, сам молол зерно. Вздохнув, Фома выудил из рюкзачка белый от муки мешочек, похожий на наволочку от небольшой подушки.

– Отсыпь сюда немного. Чур, не до верха. Остальное – потом. Я к тебе теперь почаще заходить буду, а ты угощение

тоже в оброк ставь. Не спорь! – упредил он возражение. – Не спорь и не обижайся, а пойди навстречу. Ну ты сам подумай: как я все это потащу? Грыжу наживу только. Зачем мне грыжа? Плохой это оброк.

– Точно будешь чаще заходить, да? Обещаешь?

– Ну конечно!

Фома решил, что следует и в самом деле поменять схему обхода владений, чтобы почаще оказываться в этих краях и отдыхать душой у Автандила. Так сказать, в рамках охраны труда, нелегкого и намного более опасного, чем хотелось бы. Редко какой феодал топчет Плоскость более десяти лет. Чтобы жить долго, он должен иметь холодную голову, не измученную решением непосильных проблем, крепкие нервы и хороший кураж. Издерганные да затурканные – не жильцы вне оазисов.

От мешочка с мукой рюкзачок заметно потяжелел. Фома оставил Автандилу всего-навсего десяток гвоздей и коробок спичек. Гостеприимный хозяин и от этого-то отнекивался. Пришла в голову и тут же вылетела максима: чем меньше человек просит, тем большего он достоин.

На границе оазиса Автандил махал вслед.

До Пурволайненов было совсем рядом – час пешего хода. В любой земной местности, исключая непроходимые горы или бездонные болота, хуторяне запросто бегали бы друг другу в гости. Но как раз данный отрезок маршрута всегда являл собой исключительно густое скопище подлянок и ло-

вушек. Одних только черных провалов здесь было девять штук.

На досуге Фома иногда размышлял: почему так устроено? Казалось бы, раз ловушки и подлянки находятся в вечном медленном дрейфе, они должны потихоньку кочевать по всей Плоскости, распределяясь более или менее равномерно. На деле – вот вам! Где густо, а где пусто. Изредка попадаются места, где не пройти и феодалу. Бушмен Нсуэ показывал одно такое место на границе владений; с тех пор Фома туда и не совался.

Все-таки Плоскость не первозданный хаос и не хаос вообще. Всякая логика ей противна, это точно, но кое-какие общие закономерности все же существуют…

Разумеется, пробираясь к Пурволайненам, Фома никогда бы не позволил себе увлечься мыслями, не имеющими отношения к конкретной задаче: дойти. Феодал обязан хорошо мыслить, это древняя банальность. Но еще в большей мере он обязан не быть философом – если, конечно, хочет жить. Мысли должны быть быстрыми и всегда конкретными. Как у шахматиста на блиц-турнире. Плюс инстинкт. Плоскость не возбраняет иметь инстинкты, чутье и интуицию – наоборот, поощряет их развитие.

Сквозь трепещущие разряды синих молний он наконец увидел оазис. Уловил мгновение затишья, рванулся, проскочил. Тут же вляпался в раскаленный вихрь, успел выбежать из него прежде, чем вспыхнули волосы и одежда, и только

потом взвыл от боли. Вот невезуха. Волдыри будут.

Не в первый, впрочем, раз…

Да и не в последний.

Раз сумел пройти здесь – точно не в последний. Поганое место. Самое неприятное на всем маршруте, реальный шанс гробануться ни за что ни про что. А куда от него денешься? Либо топай несколько часов в обход «полосы препятствий», где тоже не сахар, либо, перекрестившись, прорывайся напрямик – и так риск, и этак. Выбирай.

Лучше уж напрямик, чего зря время терять.

У Пурволайненов он долго не задержался. Омыл ожоги, поболтал с Урхо, отвесил комплимент Лизе, отдал ей под радостный визг давно заказанную простыню, отклонил предложение пообедать и отбыл. Хозяйство у финской четы было крепкое, ценных указаний не требовалось, а что до оброка, то Пурволайнены только-только отсеялись, какой оброк? После сбора урожая – другое дело. Тогда мешок на горб – и вперед. Самое тяжкое время, а куда денешься? Феодалу тоже надо пить-есть и иметь запасы. Не превращать же в носильщиков хуторян, чтобы Плоскость сократила их поголовье…

Он взял только бутылочку свежедавленого подсолнечного масла и насыпал в карман семечек. Помимо пшеницы и ячменя Пурволайнены держали одно поле под подсолнечником, а Урхо, бывший механик авторемонтной мастерской, отродясь не живший на хуторе в своей Финляндии, смастерил черт-те из чего маслодавильню собственной конструк-

ции. А бутылочка у Фомы была своя и даже не эфемерная, а настоящая – малая пластиковая емкость из-под колы, бросовая в той, прежней жизни и драгоценная в этой. Плоскость не Земля. То, что там валяется на свалках, оскорбляя зрение, здесь ценится на вес золотого самородка и даже выше. Кому нужно золото на Плоскости? Зачем оно? Разве что как груз для солений или, скажем, навесить на колодезный «журавль».

Да и мысли об этом излишни. Нет тут никаких самородков и никогда не было. Камни и те чаще всего неопределенной породы. Одно слово – Плоскость.

По дороге к Юсуфу Фома сделал крюк. В каждом феоде есть особые места, где неведомые силы чаще всего выбрасывают на Плоскость подхваченных с Земли пленников. Чаще всего, но не всегда. Человека или группу людей может выбросить где угодно, но, на их счастье, вне излюбленных Плоскостью точек такое случается редко. В своем феоде Фома насчитывал шесть таких мест и не ленился проверять их так часто, как мог. Все равно случалось, что приходил слишком поздно…

Даже несмотря на надпись «Сиди тут, жди помощи», а зачастую и на бутылку с водой, нарочно оставленную для того, чтобы легче было ждать. От визита до визита срок большой, иные не дожидаются. Кто по глупости и дурному нетерпению, а кто от голода и жажды.

Ему не раз приходило в голову, что вот так-то Плоскость

и производит первичный отсев. Тот, кто не дотерпел, не дождался помощи, изверился в надписи, пускается в путь – наудачу и, конечно, с понятными последствиями. Тот, кто сидит до упора, имеет хороший шанс. Плоскость терпеть не может взбрыкивающих от нетерпения рысаков-двухлеток, ей нужны упрямо-терпеливые битюги. Их она тоже не слишком жалует, но хотя бы позволяет жить.

Издалека было видно, что приметный камень на месте; чуть ближе начала различаться надпись «Сиди тут…». И никого вокруг.

Обычное дело. Если бы каждая точка выброса аккуратно срабатывала каждую неделю, на Плоскости давно возник бы демографический кризис и, знамо дело, разрешался кровавым путем. Хорошо, что неведомые зловредные силы забрасывают сюда людей так редко. Плохо, что забрасывают без всякой системы, нерегулярно. Не вычислишь. Вечно ходи, вечно ищи попавших сюда несчастливцев. Сгинут ведь.

Можно было сразу заворачивать оглобли. Почему Фома дошел до камня с надписью, он сам себе не мог толком объяснить.

Бутылки с водой, оставленной у камня для вновь прибывших бедолаг, не было!

Она не могла рассыпаться, хотя и была эфемерной, – Фома помнил, что выспал ее совсем недавно. Много ли весу в пустой пластиковой посудинке? Граммы. Ну, десятки граммов в худшем случае. Такая вещь будет служить не один год

и раньше придет в негодность естественным путем, чем распадется в пыль. А наполнявшая бутылку вода, разумеется, была настоящей, она не в счет.

Он зашнырял вокруг, пригибаясь, как ищейка. Сделал вокруг камня большой круг, затем еще больший. Несколько раз подбрасывал в мутный воздух горсть песку, не обнаружив в итоге ни одной отрицательной гравитационной аномалии. Ловушки и подлянки постоянно кочуют, это верно, но обычно они ползут с черепашьей скоростью, а не бегают. Бутылка не могла улететь сама. Не-ет, ее кто-то унес…

Кто?

Дурень, который не дождался, несмотря на предупреждение на русском и английском?

Скорее всего. Вот взял да и не поверил писаному. А то и вовсе не знал английского, не говоря уже о русском. Мало ли людей обитает на планете Земля, и мало ли из них живут в такой глухомани, что чужие языки им без надобности. Сикхи какие-нибудь или эти… берберы. А индейцы Перу? На что им инглиш, хоть и пиджин?

А еще через минуту он заметил след.

Сравнил со своим – не то. След был на два размера больше, с грубой рубчатой подошвой. Его оставил чужой человек.

Только один след. Нельзя было понять, откуда взялся этот человек и куда потом делся. Для очистки совести Фома еще раз обошел местность в радиусе ста шагов, тщательнейшим

образом вглядываясь в почву. Ничего не нашлось, да и не могло найтись. Стоит подуть ветерку, и тонкий сухой песок мигом скроет любую ямку. Кое-где песка не было, но там тупо и безмолвно каменели плоские скальные выходы – какие на них следы? И все же Фома искал. Хоть что-нибудь.

Не нашел.

Забравшись на ближайшую дюну, он медленно и тщательно обозрел пространство вокруг, насколько позволяла дымка. Ничего… Достал из рюкзачка маленький четырехкратный бинокль – выспанный, конечно, эфемерный, но исправно действующий. Опять ничего… Чувствуя себя полным идиотом, покричал, поаукал. Ответа, естественно, не было.

Человека тоже.

Вновь прибывший, конечно. Вот дурень-то, прости господи… Куда его понесло? Вряд ли еще жив, но кто знает, кто знает… Всякие бывают чудеса.

Но где искать дурня – неизвестно. Он мог уйти в любом направлении.

Когда – тоже неизвестно. Фома постарался припомнить, как давно он был здесь в последний раз. Пожалуй, суток десять-двенадцать назад в пересчете на земное время. В общем-то нормальный временной промежуток между посещениями одной точки. Раньше никак не успеть, если не халтурить, а аккуратно, по очереди посещать все оазисы и все точки выброса. Попавший сюда человек теоретически может продержаться десять суток на одной двухлитровой бутылке

воды. И даже двенадцать может, хотя окажется на грани гибели от жажды.

Были прецеденты. Плоскость не Сахара и не Аравия, здесь все-таки прохладнее и нет палящего солнца-убийцы. Надпись на камне не врет: можно выжить, дождаться помощи и осесть в свободном оазисе. Терпеливый и хладнокровный имеет все шансы на жизнь.

С вершины дюны Фома тщетно попытался понять, какое направление движения вновь прибывший мог счесть наиболее предпочтительным. С каждым годом ему все труднее давались попытки поставить себя на место новичка. Странные они. Паникуют, мечутся, сходят с ума. Это от зазнайства, от въевшейся с детства вредной привычки считать хомо сапиенса венцом творения и царем природы. У них не укладывается в уме, что по вселенским масштабам они – микробы, в лучшем случае букашки. А разве букашка удивляется, если порыв ветра сдует ее с былинки и бросит на асфальт?

«Ей нечем удивляться – мозгов нет», – возразят многие. Ну и что? Букашка устроена очень рационально, зачем ей ненужная рефлексия? Она знает свое место, и порывы ветра для нее в порядке вещей. Букашка поползет по асфальту к обочине шоссе и доползет, если не угодит под колесо машины. Букашка-насекомое твердо знает, что делать. Почему же это невдомек букашке-человеку? Почему он не желает примириться с реальностью?

Ведь Плоскость – реальна. И ловушки ее реальны, реаль-

нее некуда. И оазисы реальны. И даже эфемерные, выспанные вещи реальны, пока не истек срок их существования. Их можно потрогать. Ими можно пользоваться. Так почему же разум, которым наделен человек, вступает в конфликт с элементарным инстинктом самосохранения? Эй вы, напыщенные гордецы, много ли дал вам ваш разум? Ничего он не дал, кроме ненужного вопля: «Не хочу-у! Это несправедливо! Почему я?!»

А почему не ты, собственно? Только потому, что сам себя объявил царем природы? Ну-ну, поцарствуй…

И с какой стати ты решил, что у Вселенной есть какое-то понятие о справедливости? У нее есть только законы, да и те, как выяснилось, кое-где нарушаются с дивным постоянством. Вдруг выяснилось, что Вселенная – это не только мир звезд, планет и туманностей. Ну и что? Она может быть какой угодно, это ее право.

Хочешь жить – прими Плоскость как данность и учись существовать на ней. Терпи отсутствие комфорта. У бушмена Нсуэ это получалось лучше, чем получается у «цивилизованного» европейца или американца с брюшком, одышкой и непомерными амбициями. Бушмен хотел малого: воссоединиться с родным племенем хейкум, а на Плоскости или в Калахари – так ли уж важно на самом деле?

Но и бушмен не получил той малости, что желал.

Так чего же хочешь ты? Изменить реальность одним желанием? Ты не бог.

Оставить эту реальность как есть, а самому вернуться в более привычную? Уже лучше. Но сначала задай себе вопрос «как» и ответь на него. Почему-то до сих пор никому это не удавалось.

Ну и живи себе. Ощущай себя букашкой, никчемным созданием, но живи. Ищи смысл, если не в силах примириться с его видимым отсутствием. Изобретай способы вырваться отсюда, задыхайся во сне среди глупых рыб и мечтай всплыть. Исследуй мир, в котором живешь. Пробуй пальцем, только сперва спроси умных людей – как. Для этого – существуй, старайся существовать как можно дольше и верь: ты не в могиле, ты только в тюрьме. А если ты сдался и позволил Плоскости убить себя (а она сделает это с чрезвычайной непринужденностью), то ты никто, хуже букашки, полный нуль, и возиться с тобой не стоит.

Фома с трудом мог вспомнить, как сам метался, кричал и чуть ли не плакал, угодив сюда девятнадцатилетним сосунком без малого восемь лет назад. У человеческой памяти есть прекрасное свойство: забывать постыдные поступки. Он давно научился относиться к вновь прибывшим со снисходительным терпением. Что с них взять! Глупые они пока. Иные так и останутся глупыми, а некоторые со временем станут умными. Вразуми их, Плоскость! Помоги им на первых порах. Пожалей их, не убивай сразу, дай людям шанс!

– Вот же дурак-то, – сказал он вслух по поводу ушедшего.

Раз забрал бутылку, значит, скорее всего, не допил до дна.

А раз не допил, значит, не был измучен жаждой. Просто надоело сидеть сиднем, устал ждать и потопал куда-то. А куда?

Фома еще раз оглядел местность, пытаясь сообразить, какое направление могло показаться новичку наиболее предпочтительным. Очень скоро он понял, что зря пытается проникнуть в логику новичка. Черт их знает, что им померещится с испугу. Редко-редко попадается хладнокровный и башковитый тип, отдающий себе отчет в своих действиях. Такой даже если отойдет, то недалеко, боясь заблудиться, и будет до последнего держаться за камень с надписью как за единственный рациональный предмет в иррациональном мире. Как утопающий за пробковый круг. И в конце концов дождется феодала-спасителя. Все бы так. Но большинство-то как раз наоборот…

Быть может, он разглядел вдали такыр и ушел в ту сторону? Идти по такыру куда легче, чем по песчаным дюнам. Новички теряют только голову, но никак не лень.

Фома еще постоял на вершине дюны. Один раз ему показалось, что вдали перемещается некая точка, но, поднеся бинокль к глазам, он убедился, что это всего-навсего гигантская многоножка. Потом, бешено крутя снежинки, налетел ледяной вихрь, и Фома сбежал с дюны. Он сделал здесь все, что мог, и ему было ясно, что делать дальше. Идти к Юсуфу, продолжив вечное кружение по феоду. Кстати, как раз через такыр.

Это было хорошо, и вскоре ступни перестали вязнуть в

песке. Кажется, даже лямки рюкзачка стали меньше резать плечи. Путь был известен и не сулил больших опасностей. Только раз вдали показалось белесое облачко живого тумана, да пару раз встречались озерца жидкой земли, а на разнотемпературные вихри и гравитационные шалости здесь можно было поплевывать. Несколько раз Фома останавливался, бросал вперед отломанные кусочки сухого суглинка и убеждался: по-прежнему безопасно. Ну, скажем, почти безопасно. А безопасности абсолютной не бывает ни на Плоскости, ни даже на Земле. Абсолютная безопасность – такая же абстракция, как линия без толщины или точка без площади.

Конечно, со временем все изменится и тут, и везде. Ловушки дрейфуют, а в одну и ту же реку, как известно, нельзя войти дважды. Все верно. Обидно, но факт. Было бы куда легче, если бы ловушки стояли на месте. Кстати, в один и тот же черный провал тоже нельзя войти дважды, правда, по иной причине…

Часа через два вдали показались низкорослые кусты, а вскоре зажелтело и ячменное поле. Оазис Юсуфа располагался прямо посередине обширного такыра – ни холмов, ни дюн вокруг. Из дыры в почве бил на метровую высоту фонтан тепловатой пресной воды, питая чайные кусты, ячменное поле и несколько неплодоносящих пальм. Небольшое озерко, где было бы курице по колено, если бы на Плоскости водились куры, никогда не выходило из берегов. Воздух над ним дрожал от испарений.

Болтать с Юсуфом Фома не любил. Да и как болтать с тем, кто не знает ни русского, ни английского? По-арабски? Нет уж, пусть крестьянин учит язык феодала, а не наоборот.

Так было в теории. На практике Юсуф оказался редкостно бестолковым учеником, и Фома в конце концов плюнул, поняв, что зря теряет с ним время. С трудом запомнив слов сто из великорусского языка и безжалостно их коверкая, Юсуф тем и ограничился, а его женам и в голову не могло прийти учиться. Зачем? Чтобы в чем-то превосходить мужа?

Общение шло преимущественно на пальцах. К счастью, кое в чем Юсуф оказался куда более понятливым, чем канадец Приветт, и сразу согласился платить оброк. Урожаи он собирал неплохие. В углу его хижины всегда громоздились мешки с ячменем, предназначенным феодалу. Иной раз Фома уходил от Юсуфа, кряхтя под тяжестью ноши, и все равно груда мешков не становилась меньше. Всякому другому Фома давно скостил бы оброк, но человеку с Востока – опасался. Не примет ли он щедрость повелителя за его слабость? А если примет, то какие сделает выводы?

Одна из жен – Фатима или Сеида, Фома их не различал – тащила к месту просушки мешок чайных листьев. Узрев феодала, поклонилась и сразу изменила походку, активнее закачав бедрами. Над скрывающим лицо платком блеснули черные глаза. Вторая жена, далеко выставив круглый живот, двигаясь между кустами, методично ощипывала листья – по три верхних с каждой ветки, высший сорт. Народ, как водит-

ся, был в поле. Сам Юсуф кейфовал подле источника, попыхивая короткой самодельной трубочкой. Что за отраву он курил, Фома решил не выяснять после того, как однажды нечаянно вдохнул этого дыма. С тех пор он приближался к курящему Юсуфу только с наветренной стороны.

– Селям алейкум! Хау ду ю ду?

Безбожно коверкая слова в ответном приветствии, Юсуф торопливо кланялся, как заведенный. Он чрезвычайно рад визиту милостивого шейха, да пребудет с ним милость Аллаха. Он нижайше просит шейха отведать ароматного зеленого чая в убогой хижине ничтожного феллаха. И нет слов, как он благодарен милостивому шейху за незаслуженный подарок, достойный султана или принца…

Только это и понял Фома из речи, продолжавшейся минут десять, а к концу словоизлияния даже сообразил, о каком подарке толкует Юсуф. В прошлый визит Фома принес ему выспанные щипцы для удаления зубов – у беременной жены Юсуфа вздулся здоровенный флюс. Кто и как драл ей гнилой зуб, Фома не стал выяснять и запретил себе думать об операции, чтобы лишний раз не содрогаться, но, кажется, никелированный инструмент оказался не лишним, опухоль исчезла.

– Вери гуд, парень, вери гуд. Я вижу, ты тут справляешься…

Зеленый чай, поданный в глиняных пиалах, оказался выше всяких похвал. Что с того, что на Земле мало кто согла-

сился бы пить такое пойло? То на Земле, на изобильной Земле, а ты здесь попробуй! Скривись и поплюй раз, другой, а там, глядишь, и привыкнешь. Еще нахваливать станешь и запросишь добавки.

Во время второй пиалы Юсуф внезапно заизвинялся, начал прикладывать ладони ко лбу и сердцу и отпросился творить намаз. Как он определял время молитвы без солнца и муэдзина, почему решил, что направление на Мекку совпадает с ориентиром в виде далекого плешивого холма, Фома не спрашивал. У каждого свои секреты и свои заморочки. Лучше не вступать в диспуты, потому что можешь и переспорить – что тогда с человеком будет? Личный мирок хрупок, но нужен каждому, пусть уж он остается в неприкосновенности.

– И почему я не религиозен? – пробормотал Фома.

Иногда он завидовал Юсуфу, воспитанному в лоне одной из самых необременительных религий. «Положись на Аллаха, Аллах достаточен, чтобы на него положиться» – так, кажется, сказано в Коране? Золотые слова. Аллаху виднее, а ты ни о чем лишнем не думай. Сплети из соломы коврик и пять раз в день твори молитву, очень полезную для поясницы. И за тебя подумают. Тебя не оставят. Тебе не придется мучиться ощущением бессмысленности Плоскости, ты перестанешь задыхаться во сне, тщетно пытаясь всплыть к воздуху из цепкой глубины. Какое простое счастье! Какое надежное!

Почти таким же, с поправкой на католичество, был про-

живавший в этом самом оазисе до Юсуфа покойный Казимир Пшийски. Молодой ксендз оказался не мошенником, а искренне верующим. Более того, он верил, что Конец Света наступит тогда, когда все люди перестанут его ждать. Поэтому и не переставал.

Вот Конец Света и наступил лично для него. Потому что ничего особенного со Светом не сделалось, если не считать того, что сам Казимир был из Света изъят и помещен на Плоскость.

С одной стороны, бедолага считал, что так ему, грешнику, и надо. С другой стороны – был обижен. Почему он?!

Удивительно оригинальная мысль, надо сказать.

Зато очень простое лечение: вспомнить, что пути Господни неисповедимы, а чей там человек раб? Ну то-то. Словно сорвать подорожник, чтобы приложить к саднящей болячке. Плевое дело.

Отставив пустую пиалу, Фома с хрустом потянулся всем телом. Пора было двигаться дальше, а Юсуф… пусть себе молится. Он не обидится, что с ним не попрощались. Шейху виднее.

Кой черт шейх!.. Вечный жид. Только Агасфер брел, куда ему вздумается, а феодал описывает нескончаемые круги по феоду, вот и вся разница. Если хорошенько подумать, то окажется, что Агасфер устроился лучше.

Возле источника Юсуф последний раз поклонился, пошептал в ладони и начал скатывать плетеный коврик. Фома

кивнул издали – пока, мол. И сейчас же Юсуф подбежал к нему, кося взглядом на жен и давая понять, что намерен сообщить шейху нечто важное.

– Человек… быть, – сообщил он севшим голосом.

– Что? – Фому развернуло на месте.

– Что? – испугался Юсуф.

– Ничего. Рассказывай.

– Человек. Один. Большой рост. Я видеть.

– Где? Кто такой?

Юсуф заторопился, глотая слова. Фома с трудом разбирал его скороговорку. Нет, Юсуф не знать тот человек. Нет, человек не заходить в оазис. Просто-напросто Юсуф видеть человек издали. Только он видеть, жены не видеть. Когда? Два дня назад, не больше. Видеть ли человек оазис? Надо думать, видеть, но ходить мимо. Вон в тот направлений. Почему не свернуть? Юсуф не знать. Юсуф есть сильно беспокоиться: почему такой странный человек? Ему вода совсем-совсем не нужен? Крейзи мэн? Ор бэд мэн?

– Может, и крейзи, – согласился Фома. – Наверное, крейзи. Не беспокойся, живи как жил. Вряд ли ты его увидишь еще раз. Но по сторонам все равно посматривай, о'кей?

Он и сам посматривал по сторонам гораздо тщательнее, чем всегда. Но только когда оазис Юсуфа пропал вдали, Фома снял с плеч рюкзачок и тщательно перерыл его. На самом дне прозябал в небрежении пистолет Марголина, спортивная мелкокалиберная модель, запасная снаряженная обойма

и с десяток патронов, завернутых в ветошь. И оружие, и боеприпасы к нему были, конечно, эфемерными, выспанными с год назад скорее ради спокойствия феодала, чем по реальной необходимости обороняться или нападать. Нападать Фома ни на кого не собирался, а обороняться… от кого? Разве что от психа, чересчур ушибленного Плоскостью. От вооруженного агрессивного психа. Или от нескольких невооруженных. Всякое может случиться.

И хорошо было бы, если бы замеченный Юсуфом странный тип оказался всего-навсего обыкновенным сумасшедшим…

Куда хуже, если он душевно здоров.

Глава 4

– Ну, это вы, по-моему, поторопились с выводами, – раздумчиво сказал Георгий Сергеевич, помяв острый подбородок тонкими пальцами. – Почему обязательно сумасшедший? Вспомните, вы сами предположили, что у него была вода. Зачем же ему в таком случае сворачивать в оазис?

– Ноги сами понесут, вот зачем, – объяснил Фома. – Простите меня, но я знаю новичков лучше вас. Пусть новичок случайно вышел на оазис Юсуфа. Это маловероятно, но допустим. Всякие бывают чудеса. Пусть у него оставалась еще вода на дне бутылки. Предположим даже, что у него была полная бутылка воды. Но он отшагал порядочный путь, он худо-бедно начал понимать, что такое Плоскость, – и что же он делает, увидев воду, зелень, людей? С радостным воплем бежит к ним? Нет, спокойно идет мимо!

– Гм… А вы уверены, что он видел оазис?

– Юсуф так говорит. А что вы имеете в виду? Что чужак – слепой?

– Достаточно всего-навсего страдать близорукостью и потерять очки.

– Тогда бы он торчал у камня с надписью и ждал помощи. Хотя… он мог посеять очки уже после того, как ушел…

– Вот видите!

Как всегда, Георгий Сергеевич успешно пустил в действие

бритву Оккама, отсекая лишние сущности. Мозг у него был аналитический. Впрочем, чего было и ждать от заслуженного школьного учителя математики с сорокалетним стажем, зубра среди методистов, автора учебников и дважды кандидата наук. Уж если он решал какую-то логическую задачу, то эмоциональную составляющую и близко не подпускал к решению.

С виду все было логично. И это в мире, напрочь лишенном нормальной логики!

Закипел чайник, выпустив в свисток на носике струю пара. Фома захлопотал, заваривая чай. И чайник с веселым когда-то рисуночком, ныне сплошь покрытый копотью, и заварочный чайничек, и фарфоровые чашки с настоящими блюдцами – все это, как многое другое, было выспано им и принесено сюда. С Георгия Сергеевича Фома не брал оброка, да и взять, по правде говоря, было нечего. Оазис был довольно уютный, с хорошим источником и настоящими деревьями, но один из самых маленьких. Не стоило и стараться взрыхлить здесь поле под пшеницу или ячмень. Несколько чайных кустов, два вишневых дерева, упорно отказывающихся плодоносить, делянка подсолнечника, чьи огненные головы смотрели во все стороны в напрасных поисках солнца, да маленький огород под призором никудышнего огородника – вот и все угодья. Какой уж тут оброк! Фома сам подкармливал хуторянина.

И было за что. Три года назад он встретил Георгия Сер-

геевича, полумертвого от жажды, но все же продолжавшего упорно сидеть возле надписи, сулящей помощь, и уже за это проникся уважением к разумному человеку. Вскоре, однако, выяснилось, что новичок катастрофически не умеет крестьянствовать, и с этим пришлось примириться. В конце концов, владения средневековых феодалов населяли не только крепостные и челядь. Бывало, жили у них в замках и шуты, и прикормленные священники, а иные предтечи вольтерьянцев, бравируя вольномыслием, держали всяких там звездочетов и алхимиков. О шуте Фома никогда не думал, и на роль алхимика пожилой математик вряд ли подошел бы, но средством для заполнения интеллектуального вакуума он оказался превосходным. Феодалу тоже надо время от времени отдыхать душой и телом. Душой Фома отдыхал здесь.

И не считал за труд напечь на большой сковородке оладьев из принесенной с собой муки – пусть пресных и несладких, но если ничего другого к чаю нет, сойдут и такие.

– Мне бы вашу уверенность, Георгий Сергеевич, – проговорил Фома, разлив по чашкам дымящийся чай. – Знаете, о чем я думаю? Он мог быть вовсе не новичок.

Георгий Сергеевич сейчас же прекратил дуть на чай, поставил чашку на блюдечко, придержал качнувшийся непутевый столик и приготовился внимать: брови поползли на залысый лоб, светлые и безмятежные, как у младенца, глаза уставились на собеседника. Не дождавшись продолжения, он крякнул.

– Игорь, друг мой…

– Я Фома, – возразил Фома. – Это я там был Игорем. Извините, я перебил…

– Ничего, ничего… Вы простите, но мне все-таки больше нравится имя Игорь. Можно я вас иногда буду так называть? Хотя, должен заметить, иной раз имя Фома вам замечательно подходит. Фома неверующий. Единственный апостол, проявивший хоть какое-то подобие научного подхода: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю». Правда, тот Фома не осуществил задуманное, а кроме того, не имел точных приборов для эксперимента, ведь человек совсем не похож на точный прибор… Но простим ему за давностью лет. Простите и мне некоторую ограниченность фантазии. М-да… Мне кажется, я дал наиболее вероятную версию. Вы не согласны?

– Согласен, но…

– Продолжайте, Игорь. Я с удовольствием вас послушаю.

– Он запросто мог быть не новичком, – упрямо повторил Фома. – Если это так, тогда кто он? Соглядатай? Шпион? Диверсант?

– М-м… с какой целью?

Фома вздохнул.

– Знаете, Георгий Сергеевич, вы, по-моему, думаете о людях только хорошее. А люди – они и на Плоскости всего-навсего люди. Разные. Хорошие и плохие. Иногда еще неиз-

вестно, что лучше. Из самых добрых побуждений можно такого наворотить…

– Бесспорно, бесспорно, Игорь. Продолжайте.

– Он мог быть переселенцем. Помните, я говорил о такой возможности? Крестьянин не спелся с феодалом – ну и уходит. Тут круглый год Юрьев день. Как удержишь? Иногда феодал сам переправляет крестьянина соседу. Я переправлял. И мне переправляли. Многие хотят перебраться под крылышко к соотечественнику. На моей территории пять… нет, уже шесть оазисов заняты русскоязычными. У Бао Шэнжуя две трети крестьян – китайцы. А бывает иначе… Просит, скажем, хуторянин феодала отвести его к соседу – а феодал почему-либо не хочет его отпускать. Что тогда? Хуторянин копит злость, потом не выдерживает и уходит сам искать лучшей доли. Кое-какие обрывки сведений о соседях он обязательно имеет. Риск, конечно, велик, но иные доходят до цели. Одного такого я сам видел.

– Теперь он живет у вас?

– У Бао Шэнжуя. К нему и шел. Китаец. Я встретил его случайно, довел до границы и передал Бао с рук на руки. Зачем мне работник, который все равно удерет? А с соседями надо дружить.

Георгий Сергеевич озадаченно помял подбородок.

– Простите, Игорь, если я вмешиваюсь не в свое дело, но… у вас налажена постоянная связь с соседями?

– Эпизодическая. А извиняться не надо, ничего секрет-

ного тут нет. Есть оговоренные места на границе. Если мне нужен Бао, я иду в такое место, подаю дымный сигнал и жду. Один раз трое суток ждал, но обычно меньше. Какие у нас владения, в самом деле! Вот у меня – около тысячи квадратных километров. Территория Москвы всего-навсего. И у соседей примерно столько же. Плюс-минус крохи.

– Не так уж и мало. Шесть Лихтенштейнов, две Андорры…

– Но и не много. Как раз столько, сколько я могу обслужить. Не будь ловушек, я мог бы за день пройти весь феод из конца в конец, а с ловушками – суток за двое. Если, конечно, нигде не останавливаться. Самое то, что надо. С большей территорией я просто не управлюсь.

– Понятно. – Георгий Сергеевич покивал, осторожно пригубил чай и покивал снова. – Очевидное всегда понятно, но я не о том. Насколько я вас понял, вы не получали от соседей никаких сведений касательно этого… пришельца?

– Пока нет.

– Вот видите! Пока! Думаю, в ближайшее время все разъяснится, причем самым банальным образом. Простите, Игорь, друг мой, но вы, по-моему, делаете из мухи слона.

Не найдя сразу слов для отповеди, Фома подул на чай и тоже отхлебнул. Чай у Георгия Сергеевича был куда хуже, чем у Юсуфа, – наверное, чайным кустам все же требовался какой-то уход. А может быть, просто не следовало собирать все листья подряд. Да еще с веточками.

Бесспорно, главное удовольствие от чаепития определяется качеством собеседника, а не чая. Впрочем, не бывает правил без исключений. Сейчас Фома сердился на Георгия Сергеевича. Ну можно ли быть таким беспечным?!

Это ведь тоже эгоцентризм – искренне полагать, что все люди, сколько их есть на Плоскости, подобны тебе, такому разумному, благородному и незлобивому, а потому не представляют опасности. А ну как в точности наоборот?

– Вот вы сказали – шпион, – молвил Георгий Сергеевич, не дождавшись возражений. – У меня сразу возникает вопрос: зачем? Шпионов засылают в другие государства, корпорации и так далее, имея в виду конечную цель: успех в конкурентной борьбе. Игорь, друг мой! Разве вы не видите, что на Плоскости данная цель начисто отсутствует? Вы же только что говорили сами: с более значительной территорией вам не управиться, и я вам верю. У феодала только две ноги. Разумеется, вы можете выспать себе автомобиль, вездеход или даже вертолет, но долго ли будут служить эфемерные вещи такой массы? Пожалуй, не стоит и стараться. Ни лошадей, ни верблюдов на Плоскости нет, да они здесь, наверное, и не прижились бы. Максимальный размер феода ограничивается скоростью перемещения по нему феодала. Заметьте: пешего перемещения! По-моему, просто нелепо разевать рот на большее, чем можешь проглотить. Я думаю, что это понимаете не только вы, но и ваши ближайшие соседи, не так ли?

Фома покивал в ответ. Теоретически все было так. На-

сколько он знал, границы ближайших феодов не менялись по меньшей мере в течение последних восьми лет, а может, и значительно большего времени.

– Вот видите! – Георгий Сергеевич просиял. – Я не знаю, как давно Плоскость была населена людьми, но имею основания подозревать, что все-таки очень давно. Судя по находкам старинной утвари, не менее нескольких столетий. Немалый срок для того, чтобы прийти к общему знаменателю в вопросе о наиболее эффективной общественной системе! И вот такой-то необычный феодализм как раз и оказался здесь оптимальным строем. Надо сказать, удивительный феодализм! Меня он устраивает… гм… тем более что я не могу предложить ничего лучшего. Где, когда видано на Земле, чтобы феодал служил помощником, а не угнетателем?

– И на Плоскости не без уродов, – пробурчал Фома. – Есть такие. Запугают новичка и стригут до мяса. Чистый рэкет. Только это почти всегда плохо кончается…

– Ага!..

– Крестьяне либо разбегаются, либо убивают такого ненормального. Чаще разбегаются, потому что без феодала не обойтись. Уходят к другим. На авось. Двое сгинут, третий дойдет. Ясное дело, уходят совсем уж от крайности, когда терпеть невозможно…

– Что только подтверждает мой тезис, не так ли?

– Не спорю. Есть исключения, но есть и общее правило. А что дальше-то?

– Феодал и хуторяне – симбионты, а симбиоз по определению взаимовыгоден. Предложите иную форму общественных отношений – демократическую республику, монархию, анархию, олигархическую власть, коммунистическую утопию в духе Томаса Мора, да что угодно, – и я, надеюсь, смогу показать вам всю ее ущербность в сравнении с феодальной раздробленностью. Игорь, друг мой! Социальные отношения определяются, во-первых, внешними обстоятельствами, а во-вторых и в-главных, человеческой природой. Ну человек так устроен! Разве вы не видите, что изобретаете велосипед? Иные формы отношений наверняка были перепробованы в минувшие века и отброшены как неэффективные или просто гибельные. История располагает временем. Теперь достигнут оптимум. Ну кто же, находясь в здравом уме, захочет ломать прочное здание! Что лучшего он может предложить? Кстати, напомню вам вашу же гипотезу: ваш чужак-пришелец вполне может оказаться не близоруким, а попросту сумасшедшим новичком. Почему бы нет? Теперь я вижу, что вы, возможно, правы. Попав сюда внезапно, с бухты-барахты и осознав невозможность вернуться, совсем нетрудно потерять рассудок. Разве нет?

Фома снова покивал. Насчет сумасшедших Георгий Сергеевич был прав. Человеческая психика – не титановый сплав, не легированная сталь и не кевлар. У многих «тихо шифером шурша, крыша едет не спеша», а иные торопятся свихнуться так быстро, как будто рекорд ставят, и умудря-

ются потерять всякую управляемость буквально в считаные дни, если не часы. Такой псих не усидит в оазисе, даже если до жидкого стула будет бояться ловушек Плоскости. Рано или поздно побредет в никуда – и, понятное дело, не вернется.

Если, с одной стороны, ты не в силах всю – *всю!*– оставшуюся жизнь рыхлить поле с целью продления своего существования, а с другой стороны, лишен качеств, необходимых феодалу, – тогда да. Тогда только и остается, что сойти с ума. А с сумасшедшего какой спрос? Сумасшедший мог пройти мимо оазиса просто потому, что оазис чем-то ему не понравился.

Фома не любил вспоминать, как сам едва не свихнулся поначалу. И наверняка со временем впал бы в безумие, если бы бушмен Нсуэ не увидел в нем коллегу и возможного преемника. Само собой, бушмен думал главным образом о том, чтобы облегчить себе жизнь, обзаведясь толковым помощником, при том, что собираемого оброка худо-бедно хватало на двоих. Если бы не хватало…

Впрочем, какая разница, о чем он там думал; главное – спас и выучил.

– Как-нибудь я свожу вас в одну лощину, – мрачно пообещал Фома. – Место как место, ничего особенного. Голый камень. Ни кустика. Даже ловушек не очень много. Но там я нашел с десяток скелетов. Человеческих. В двух черепах дырки – людям стреляли в затылок. У остальных рассечены

шейные позвонки. Их ставили на колени и рубили головы.

Георгий Сергеевич всплеснул руками:

– Ну вот! Разве это не наглядное доказательство того, что и так очевидно: в давние архаичные времена шел социальный поиск, а разве он когда-нибудь обходится без крови?

– Не доказательство, – отрезал Фома. – Насчет давних времен – никакое не доказательство. Кости были сравнительно свежие… Пожалуйста, повремените с возражениями! Я, как и вы, не могильщик из «Гамлета» и не могу сказать, сколько лет продержится покойник. Я также не археолог, и у меня нет аппаратуры для радиоуглеродного анализа. Кроме того, не исключено, что период полураспада элементов здесь определяется прихотью Плоскости. Я просто не успел вам сказать, что внутри одного из черепов я нашел сплющенную пулю. Кажется, револьверную. Полуоболочечную, с мягкой головкой.

– Вижу, куда вы клоните, – улыбнулся Георгий Сергеевич. – Игорь, друг мой! Но разве револьвер и патроны к нему не могли оказаться настоящими, с Земли, а не эфемерными?

– Так я поначалу и подумал. Но на всякий случай вытряс эту пулю из черепа и взял с собой. Долго хранил. В тряпочке. А в один прекрасный день пуля рассыпалась в пыль. Вот так-то. Она была эфемерной.

Теперь настало время кивать Георгию Сергеевичу:

– Понятно… Гм… Как вы думаете, сколько примерно лет назад могла состояться эта… расправа? Хотя, знаете ли, го-

ды здесь понятие относительное, лично я во времени слабо ориентируюсь…

– Не беспокойтесь, я ориентируюсь, – ответил Фома. – Эфемерный предмет с массой револьверного патрона по идее должен существовать лет пятнадцать-двадцать. В самом крайнем случае – тридцать. Вот вам и «архаичные времена».

Ему очень не хотелось огорчать Георгия Сергеевича. Впрочем, напросился – получи. Прекраснодушная вера в светлый разум еще никого до добра не доводила. Ишь ты – оптимум ему достигнут! На века! А ведь сам только что говорил: человек, мол, так устроен… Можно ли не знать, как устроен человек? Предполагай худшее и не ошибешься.

О том, что он сам много раз опрометчиво предполагал лучшее, Фома старался не вспоминать. В споре с идеалистом скептик всегда на коне и может снисходительно похлопать оппонента по плечу с высоты конского крупа.

– Давайте пить чай, – сказал Георгий Сергеевич.

Какое-то время они пили чай и ели оладьи. Фома старался не слишком налегать на еду – в конце концов, он-то легко мог подзаправиться у любого хуторянина, чего никак не мог Георгий Сергеевич.

Фома слушал родник. Струйка обжигающе-ледяной пресной воды била из трещины скального выхода с плоской вершиной и весело журчала в бочажке под скалой. Мирное, убаюкивающее журчание… то есть убаюкивающее уставших, а

отдохнувших и сытых настраивающее на философский лад. Хибара-развалюха гордо занимала вершину скального выхода. Кто-то в незапамятные времена выдолбил удобные ступени к роднику, но о том, кто это был, не мог ничего сказать и бушмен Нсуэ. Этот никчемный в смысле прокорма оазис долгие годы пустовал, пока Фома не поселил в нем старого учителя. Все равно феодалу не съесть всей собираемой десятины. Феодал может позволить себе держать нахлебника.

Одного. Достойного. И не совсем даром, а в обмен на беседы, удерживающие от тьмы безумия. Не только хуторяне сходят с ума.

Феодалы – тоже. Только не так часто. Феодал нужен крестьянам – он зримо ощущает это, наведываясь в каждый оазис, забирая оброк и даря радость общения. Он и нужную вещь принесет, и снабдит свежими новостями, и утолит тягу хуторянина к посиделкам на завалинке. С этой стороны все прекрасно. Но пройдет время, и однажды феодал задаст себе полный простительного эгоизма вопрос: а нужна ли ему такая жизнь? Не крестьянам, а ему самому? Разве он раб, разве он заведенный механизм, чтобы вечно кружить по ничтожному участку Плоскости, уворачиваясь от ловушек?

Безумие не берется из ничего – оно рождается от неотвязных поисков смысла существования.

Фома слушал родник.

Сейчас он не думал о том, откуда на Плоскости берется вода, если здесь неведомы дожди и снег, и куда пропадает

испаряющаяся влага. Дивиться каждой несуразности – мозги не жалеть. Он просто слушал журчание воды.

Такое знакомое. Из детства. Первый загородный поход с родителями – не поход даже, а так, пикничок, но с ночевкой в палатке близ чистого ключа. И на Земле, и на Плоскости вода журчит одинаково.

– А вы знаете, это только кажется, что к Плоскости неприменимы законы логики, – сказал вдруг Георгий Сергеевич. – К ней неприменимы только наши привычные, земные понятия о логике, да и то не всегда. Когда речь идет о людях, кое-что можно уверенно прогнозировать.

Да? Фома кольнул собеседника ироническим взглядом и сразу отвел глаза, чтобы Георгий Сергеевич не заметил чего и не обиделся. То-то он сам удачно прогнозирует поведение людей! Оракул какой.

– Но и сама Плоскость отчасти поддается логическому анализу, – продолжил ничего не заметивший Георгий Сергеевич. – Кое-что нам о ней все-таки известно, и это «кое-что» уже может служить основанием для дальнейших умозаключений. Итак, что мы знаем? Во-первых, Плоскость не является частью знакомой нам с детства Вселенной с ее звездами, галактиками, темной материей и космической пустотой. Данный тезис можно считать доказанным. Я не знаю ни одного закона природы, который не нарушался бы здесь хотя бы эпизодически. Следовательно – иная вселенная. Логично предположить, что она возникла в момент Большого взрыва

одновременно с многими иными вселенными. Пусть так. Далее: ниоткуда не следует, что во всех вселенных действуют одни и те же законы физики, и я уже не говорю о мировых константах. Тем не менее законы, каковы бы они ни были, должны выполняться. А что у нас? Вселенная-уродец с законами, не обязательными к исполнению. Нам в некотором роде «повезло». Возможно, среди бесчисленных вселенных только одна такая и есть… Игорь, друг мой, вы уже улавливаете, куда я клоню?

– Не очень, – ответил Фома. – Но вы продолжайте, продолжайте. Я пойму. Насчет иной вселенной – это очень старая мысль.

– Старая, но верная. Вопрос второй: как сюда попадают люди? И для чего? Я понимаю, что вопрос «для чего» ненаучен, но было бы странно его не задать. Впрочем, начнем с более простого вопроса: как?

– Ничего себе простой вопрос, – фыркнул Фома. – Вы же знаете, как это бывает. Минутное головокружение ни с того ни с сего – и вот вы здесь. Да вы ведь мне рассказывали, как с вами было. Все новички рассказывают, как будто это интересно… Шел себе человек куда-нибудь, или сидел, или спал. Как правило, не был пьян, и по голове его не били, и ничего странного поблизости не замечалось. Вам любопытен сам механизм переноса? Не знаю. И никто не знает.

Георгий Сергеевич крякнул и хитренько прищурился:

– Верно: откуда бы людям это знать? Но вы допустили тер-

минологическую неточность. Нет никакого механизма переноса – есть механизм копирования. Я это утверждаю. Люди населяют Плоскость вот уже несколько столетий, этот факт доказан находками архаичной утвари, и вы его не оспариваете, не так ли? Далее: Плоскость, судя по всему, весьма велика, и люди попадают сюда достаточно регулярно. Вот вам второй факт. А вот вопрос: разве на Земле не было бы замечено исчезновение значительного количества людей?

– Почему же не замечено? – возразил Фома. – Очень даже замечено. Люди умирают достаточно регулярно. И молодые, и старые…

Георгий Сергеевич задумчиво потер подбородок. Потом хихикнул:

– То есть вы считаете, что мы с вами находимся на том свете? Мы умерли? Гм… Я что-то об этом ничего не помню.

– Я тоже. Кое-кто в этом уверен, но не я. Даже если нам стерли память о смерти, это ничего не меняет. Во-первых, Плоскость не рай и не ад, а что тогда? Допустим, чистилище. Ладно. Кроме того… черт, как это сказать-то?.. в общем, те, земные представления о том свете могут сильно отличаться от действительности. Если, конечно, считать, что загробная жизнь действительно существует. Я так не считаю. А кроме того, умирают все-таки преимущественно пожилые люди. Это должно отражаться на возрастном составе новичков. И наконец, люди на Плоскости стареют и тоже, случается, умирают, как и везде. Где вы слыхали о смерти на том свете?

Георгий Сергеевич даже крякнул от удовольствия.

– Браво, Игорь, друг мой, браво. Насчет загробной жизни я с вами спорить не стану, все-таки недоказуемая это гипотеза, однако на вашем месте я не был бы столь категоричен в суждениях… Впрочем, возрастной состав новичков – аргумент убедительный. Признаюсь, мне это просто не приходило в голову, ну а вам, конечно, виднее. Правда, я и не считаю наше бытие… гм, потусторонним. Это было бы слишком просто. Притом мы не души, а биологические тела со всеми их потребностями… Но что вы все-таки скажете о гипотезе копирования?

– Да что я скажу? – развел руками Фома. – Ничего я не скажу. По-моему, это еще фантастичнее, чем тот свет. Если я правильно понял, вы считаете, что на Плоскость попадают копии людей, нечувствительно отделившиеся от оригиналов, да? А сами оригиналы, значит, остаются на Земле, в ус не дуют и ни о чем не подозревают?

– Вы правильно меня поняли. Исчезновение большого числа людей на Земле было бы наверняка замечено.

– Люди все время исчезают, – угрюмо сказал Фома. – Что такое «подснежники», вы, надеюсь, знаете? – Георгий Сергеевич лишь беспомощно покачал головой в ответ. – Это просто трупы, вытаивающие по весне из снега в лесопарках и лесах близ дорог. А многих и вовсе не находят – утопленников, к примеру.

– Да, но не в таком же количестве!

– Количество довольно большое, не сомневайтесь. И потом, что мы знаем о размерах Плоскости? Кто сказал, что она не имеет границ? Кто видел эти границы? Может, это все байки. Может, на Плоскости умещается всего-то полсотни феодов, откуда я знаю? Из дальних мест сведения все равно не доходят. Я знаю своих соседей. Знаю, что за ними есть какие-то другие, и только. А дальше?

– Гм. А что, по-вашему, может лежать дальше? Край Плоскости?

– Да не знаю я! Но если Плоскость невелика, то и людей сюда попадает немного.

Георгий Сергеевич обезоруживающе улыбнулся, и Фома сейчас же почувствовал, что его раздражение – законное, между прочим! – исчезает без следа. Трудно с этими интеллигентами, ликбез им все время нужен, не знают, видите ли, что такое «подснежники», и прочих элементарных вещей, а поди ж ты – слушал бы их и слушал. Пусть даже они несут по незнанию полный бред. С кем еще и почувствуешь себя человеком, как не с ними? Ведь не с Юсуфом же. И уж подавно не с той семейкой, что возмущалась развалюхой-коттеджем. С ними нельзя ощутить себя человеком – можно только феодалом, и, положа руку на сердце, обычно этого хватает…

То-то и оно, что «обычно», а не всегда.

– Ну хорошо, – сказал Георгий Сергеевич, не дождавшись от Фомы ни аргументов, ни откровений. – Каким способом люди попадают на Плоскость – прямым переносом или дуб-

лированием, – вопрос все-таки не главный. Главное, по-моему, вот что: зачем они сюда попадают? Ненаучный вопрос, я понимаю. В физике нет понятия «почему»… И все-таки я спрашиваю: зачем? Кому это надо?

– Законам природы.

– Да ну? Что-то мне неизвестны такие законы.

– Законам местной природы, – уточнил Фома. – Свихнувшимся местным законам. Вот и все, и нечего тут голову ломать.

– Почему же ломать? Упражнять!

– Ломать, ломать. Причем без толку. Ответа все равно не будет.

Георгий Сергеевич всплеснул руками.

– Да какая мне, скажите на милость, разница, будет в конце концов получен ответ или не будет! – внезапно закричал он петушиным фальцетом. – То есть тьфу, мне, понятно, хотелось бы знать ответ, но если даже я никогда его не узнаю – так что же?! Махнуть рукой? Жить неизвестно зачем, копать огород, кушать вкусные оладьи – кстати, спасибо вам за них – и это все? Употребить остаток жизни на животный идиотизм? Извините, мне этого мало! И вам! – Тонкий костлявый палец уперся в феодала. – И вам тоже этого мало, да-да, я знаю! Уф-ф! – Георгий Сергеевич задохнулся, замахал руками и, отдышавшись, сбавил тон. – Простите меня, Игорь, друг мой… Не сдержался. Но и вы хороши! Вы же не животное, вы человек, это сразу видно. Вы ведь не думаете всей

той чепухи, что сейчас наговорили, я уверен. Вы мне просто оппонируете, не так ли? Подход «от противного». Я должен был сразу это понять. Виноват. Гм.

Фома лишь похмыкал в ответ. Что тут было сказать? Удивляюсь, мол, как вы еще не устали почем зря биться лбом об эту стену?.. Он не устанет. И не поймет вопроса.

– И вот я хочу спросить, – как ни в чем не бывало продолжал Георгий Сергеевич, – наше появление здесь и вообще существование Плоскости – это следствие каких-то неведомых нам объективных законов природы или же чья-то осознанная воля? Допустим даже, не воля, а прихоть. Все равно. Вы знаете, в последнее время я склоняюсь в пользу именно такого предположения. Гм… Это не значит, что я уверовал в бога. Впрочем, что такое бог – вопрос чистой философии. Для инков немытый конкистадор верхом на лошади был двухголовым богом. Для нынешних землян роль бога может с успехом выполнить какой-нибудь шибко продвинутый пришелец-инопланетянин. Вы чувствуете, куда я клоню? Если речь идет о законах мироздания, то тут мы бессильны что-либо изменить. Но если Плоскость – дело рук некоего сверхразумного и могущественного существа, то… мы ведь можем попытаться найти его и договориться, не так ли?

– Угу, – угрюмо кивнул Фома. – Договаривались муравьи с этим, как его… муравьедом.

– Ну почему же с муравьедом? Игорь, друг мой, разве нас

едят?

– Лучше бы ели, – буркнул Фома. – Как в «Войне миров». Было бы ясно, что делать: сопротивляться. Подойти на выстрел и размазать гадов. Не выйдет – бациллой их, и все дела.

– Вот! – поднял кверху палец Георгий Сергеевич. – Главное вы уловили: подойти! Только не на выстрел, а на дистанцию, с которой нас услышат. И попытаться наладить контакт.

– Ну хорошо, хорошо. Попытайтесь.

– Легко вам говорить. Что я могу один, да еще сидя в этом – уютном, не спорю – оазисе? Обрасти мохом?

Фома чертыхнулся про себя. Вот, оказывается, к чему вел разговор старый учитель! Надоело ему сиднем сидеть, видите ли. Устроился, как у Христа за пазухой, а недоволен. Ну что ж, путь никому не заказан, вот она, Плоскость, перевали через холм и иди…

Только потом не жалуйся.

А если даже умудришься уцелеть, все равно все без толку. Ответа не найдешь. Нет его на Плоскости.

– А вы, Игорь, не хотите попытаться?

– Чего, договориться с этим?.. – Фома зло всхохотнул. – О чем? Где его искать? Здесь даже мухи не летают. Комар не прозвенит. Слепень не укусит. Ладно, допустим, я его нашел, этого вашего бога-инопланетянина, и что дальше? Ну вот скажите, как я с ним договорюсь, когда я ненавижу его и все его дела?! Он жизнь мне поломал! И каждый на Плоскости так думает. И жизнь наша собачья. Ну и зачем вашему

продвинутому нас слушать? Что он от нас услышит хорошего?

– М-м… может быть, просьбу?

– А то его, бога местного, не просил никто! Ха!

– Но ведь без персонификации?

– Без чего? – переспросил Фома. – А, понял. Да нет, чепуха все это. Точно. У вас ножницы еще целы? Ну те, которые я приносил. Для стрижки.

– Целы, а что?

– Давайте я вас постригу. А потом вы меня оболваните. Я оброс.

Георгий Сергеевич поморгал.

– Хорошо, – сказал он. – Как хотите. Стричь так стричь. Я вижу, вы сейчас не в настроении вести философские споры. Ничего страшного, с людьми такое случается. Я все понимаю. У вас проблема: чужак этот странный…

– У меня полно проблем.

– Но эта первейшая?

– Вот именно.

– Понимаете ли… – начал было Георгий Сергеевич и замолчал. В великом изумлении вонзил куда-то в пространство длинный тощий палец.

– О!

– Что такое? – Фома вскинулся. Свежий, отдохнувший и готовый к любым неожиданностям. Боец. Феодал. Мышцы – пружины, настороженный взгляд – исподлобья.

– Человек, – в великом изумлении произнес Георгий Сергеевич, указывая на вершину холма. – Смотрите, настоящий человек…

Быть может, он говорил что-то еще, пораженный до глубины души видом единственного за три года человека, если не считать феодала, но Фома уже не слушал. Проверяя на бегу, не выпал ли из-за пояса пистолет, он штурмовал песчаный холм в лоб. Песок лавинами срывался из-под ног. Успеть! Перегиб склона скрыл человеческую фигуру. Уходит? Фома наддал. Его не пугало соображение, что чужак может быть вооружен и настроен враждебно. Жить на Плоскости и не рисковать – таких чудес в природе не бывает… даже в местной свихнувшейся природе. Только бы чужак не ушел из-под носа…

Черта лысого он уйдет. Говорят, у себя дома и стены помогают, ну а на своем куске Плоскости помогает знание местности. Кто в феоде хозяин, ну? Угадайте с трех раз. Угадали?

То-то.

Глава 5

Должно быть, когда-то по Плоскости и в самом деле текли полноводные ручьи или по крайней мере временные водотоки. В древнем сухом русле, петлявшем меж песчаных холмов с той стороны от оазиса, которую Фома условно считал севером, и почему-то совершенно не занесенном песком, сидел на валуне чужак.

Он и не пытался скрыться – лишь спустился с вершины холма и теперь сидел, ковыряя палочкой окаменевший ил, поджидал феодала. Узрев Фому, осклабился и помахал рукой в насмешливом приветствии. Оружия при нем не было, если не считать ножа в красивых ножнах на поясе, но выглядел он бодрым и уверенным в себе, а одет был даже щегольски: новенькие, явно свежевыспанные шорты, пропотевшая, но тоже еще вполне годная ковбойка, кроссовки, а на голове – белый пробковый шлем с ремешком под подбородком, как у южноафриканского плантатора со старой политической карикатуры. Почему-то этот пробковый шлем сразу вызвал у Фомы глубокую неприязнь к визитеру. Пижон. Зачем ему шлем, если нет солнца?

Пока было ясно одно: на валуне сидел тот самый тип, которого видел Юсуф. И насчет высокого роста йеменец не наврал. Не сказал только о крепком сложении чужака – наверное, не разглядел издали.

Атлет хренов. Штангу ему тягать. Или нет, лучше боксировать. В полутяжелом весе. В чемпионы, может, и не выйдет, но… Фома поймал себя на мысли, что ни за что не согласился бы наняться к нему в спарринг-партнеры. Пусть бьет грушу, она на все согласная.

В пяти шагах от чужака он остановился. Положил ладонь на рукоять «марголина» за поясом. «Плантатор» осклабился еще шире – видно, был не из пугливых.

– А я тебя знаю, – сказал он на чистейшем русском.

– Откуда?

– Видел. Давно. Ты тогда еще ходил в шестерках у голожопого негритоса.

– Попридержи язык, – посоветовал Фома.

Холодная ярость, пока еще подконтрольная, вскипела в нем в одну минуту. Дело было даже не в чисто символическом набедреннике покойного Нсуэ и не в том, что бушмены не очень-то негроиды, а в развязном тоне пришлого наглеца. Что он знает о Нсуэ? Куда сунулся немытым рылом? Разве это его спас бушмен-феодал? Разве его он взялся обучать себе на смену?

– А что, если не придержу? – Визитер явно нарывался. – Будем драться?

– На границе – пожалуйста. Назначай время и место. Только ты уже опоздал. Здесь мои владения. Захочу – пристрелю тебя, вот и вся недолга.

Незнакомец явно не праздновал труса.

– За то, что я у тебя слишком много видел?

– За то, что ты хамло. Этого достаточно.

«Плантатор» неожиданно весело расхохотался:

– Вот дураки люди… Ты к ним с деловым предложением, а они в тебя пистолетиком тычут. Я ведь по делу послан. Выслушать не хочешь?

– Что? Кем это послан? Ты вообще кто?

– Кто я? – Нет, визитер ни черта не боялся. – Бывший феодал, вот кто я…

В первое мгновение Фома не поверил. Происходило что-то из ряда вон. Бывший феодал? Почему бывший? Изгнан, что ли? А кем – хуторянами? Вряд ли. Более удачливым конкурентом? М-м… В таких случаях вариант один: вырастил змейку на свою шейку. Обучил помощника, а тот выжил учителя. Как объяснить иначе? В открытом вооруженном конфликте с соседями конкуренту из иного феода почти ничего не светит. Так было, и так будет. Феодальные войны на Плоскости по всем канонам не должны выигрываться, потому-то их никто и не ведет.

Теперь Фома начал припоминать визитера, хотя и смутно. Точно, феодал, только не соседний. На западе владения Фомы граничили с феодами Сагита Губайдуллина и Джакомо Перонелли, а вот за ними… да, за ними и лежал феод этого типа. Лет шесть назад Сагит и Джакомо решили миром давнишнюю тяжбу из-за спорного куска земли с единственным оазисом такого качества, что только преступников ту-

да селить. Нсуэ и этот тип выступали по согласию сторон в роли третейских судей, а Фома в те годы просто таскался за наставником веревочкой и набирался ума-разума.

Черт, как же его зовут-то?.. Максим? Да, кажется, Максим. Еще фамилия у него была какая-то смешная… Гузно, что ли? Нет, что-то из области сельского хозяйства… Вспомнил! Гумно его фамилия. Максим Гумно.

Но что значит «послан»? Был свергнут и подчинился? Странно, что не убит преемником из недоверия…

Ничего не понятно.

Изгнан?

Сам ушел?

В обоих случаях станет проситься в помощники. Очень он тут нужен…

– Ну и кто теперь феодалом вместо тебя? – спросил Фома.

Ответ озадачил:

– А разве нужен новый феодал?

Гость хитренько щурился. Что-то он знал такое, чего не ведал хозяин, и откровенно этим наслаждался. Словно взрослый, подсунувший ребенку хитрую головоломку.

– Я слушаю, слушаю, – подбодрил его Фома. – Ты рассказывай. Пристрелить тебя я еще успею.

То ли угроза подействовала, то ли Максим Гумно сам понял, что напрасно тянет резину, только свой прищур он мигом убрал.

– Так вот я и говорю: зачем нужен новый феодал? Зачем

нужны феодалы вообще?

– Я думал, ты знаешь. Чтобы жить.

– Эту каторгу ты называешь жизнью? Не смеши. Вечно таскаться по феоду с рюкзаком за плечами, обходить ловушки, терпеть подлянки… Одному принеси то, другому это. Третий на тебя волком смотрит, четвертый к работе непригоден, пятого иди встречай на другой конец феода, пока он от жажды не околел… А что в итоге? Для чего все это? Вот скажи, только чур без вранья: когда ты в последний раз отдыхал по-настоящему? Так, чтобы несколько дней подряд? Давненько? Никогда? – Гумно иронически покачал головой. – Вот и я так жил… Одно название, что феодал, а на самом деле верблюд вьючный. Да еще того и гляди вляпаешься куда не надо и подохнешь за милую душу. Кто тебя тогда вспомнит? Кому ты будешь нужен, если уже ничего не принесешь? Хуторяне тебя любят, пока ты ради них ишачишь до седьмого пота. Скажешь, не так?

Фома не ответил. В словах Гумно была правда, и оттого он казался сукиным сыном. Наполовину. А на вторую половину – из-за глумливого тона.

Стало даже интересно: он что, совсем не боится? Против всех обычаев приперся без приглашения, расселся на чужой земле без оружия и еще хамит. Не понимает разве, как легко делается маленькая дырочка меж бровей?

Ну-ну, пой, птичка. Послушаем.

– Знаешь ведь, что я прав, – засмеялся Гумно. – А того

не знаешь, что можно жить иначе. Я тоже не знал, пока был феодалом. А оказалось – можно! Меня научили. Могу и тебя научить. Даром. Я ведь к тебе с предложением послан…

– Это я уже понял, – перебил Фома. – Ты не крути, ты дело говори. Кем послан?

– Королем.

Гость в пробковом шлеме явно не шутил, и это помешало Фоме расхохотаться. Королем? В этом мире? Невозможное – невозможно.

– А почему не императором Плоскости?

– Потому что королем, а не императором и не фараоном, – без улыбки пояснил Гумно. – Королем, при котором я уже не феодал, а наместник провинции, чем, должен сознаться, вполне доволен.

– Очень интересно. – На этот раз уже Фома не удержался от язвительных ноток. – И что же мне хочет передать его величество?

– Предложение добровольно присоединить твой феод к нашему государству. На выгодных условиях.

– Да ну? Интересно, на каких же?

Гумно ласково улыбнулся:

– Тебя не тронут, это раз. Твоя жизнь улучшится настолько, насколько это вообще возможно, это два. Во всяком случае, тебе больше не придется работать вьючным верблюдом. Иногда прогуляешься налегке, и только. Вот как я сейчас…

– Странно, что ты вообще сюда дошел, – заметил Фома.

– Ну-ну. Я же был феодалом, а значит, кое-что понимаю в Плоскости. И ты бы дошел до моей провинции, если бы приспичило, нет?

– Допустим…

– Не «допустим», а точно. Опять же: идти налегке и таскать тяжести – очень разные вещи. Иногда прогуляться, а заодно освежить навыки даже полезно. А в остальное время – свободен. У тебя есть свой оазис? Ну и живи в нем, как набоб, блаженствуй под сенью струй, гарем заведи… А пища будет. Хорошая и много. Ну как, заинтересовал?

«Не то слово, – подумал Фома. – Особенно радует, что останусь жив. Нечего сказать, одолжил. Гран мерси!»

– Кто такой этот король? – спросил он. – Откуда он взялся?

– Да все оттуда же, – засмеялся Гумно. – Откуда взялись я и ты? Сам знаешь, как люди попадают на Плоскость.

– Тогда почему король он, а не ты? – Фома фыркнул. – Я что-то не пойму: тебе-то кто мешал? Объяви себя хоть властителем всея Плоскости в двадцатом колене и племянником Аллаха, ходи и радуйся. Дураком, правда, назовут, но это твои проблемы.

– Быть может, ты все же выслушаешь? – осведомился Гумно.

– Я только этим и занимаюсь, – сердито сказал Фома. – Делать мне больше нечего – слушать всякий бред. Есть подробности? Валяй, только короче.

Свой прутик Гумно давно отшвырнул. Теперь он сидел на валуне, заложив ногу за ногу, обхватив пальцами крепкое колено, и по-прежнему чувствовал себя в полной безопасности. Или бравировал.

– Знаю, что ты скажешь: никакие королевства на Плоскости невозможны, – произнес он. – Еще недавно я сам так думал. Как обеспечить инвентарем хуторян, чтобы те не подохли с голоду посреди плодородного поля? Как собрать с них оброк? Как встретить вновь прибывших? Ты да я – у нас есть какой-никакой талант угадывать ловушки. Это капитал, между прочим! В этом гребаном мире это громадный и притом неотчуждаемый капитал! А как я им пользовался? Курам на смех! Как ты пользуешься им до сих пор? Вечно таскаешься от оазиса к оазису, потому что иначе сам подохнешь с голоду? Ну верблюд и есть. Ты не злись, это правда. Я сам недавно был таким же верблюдом. Каторжная должность. А ведь выход есть, и один человек его нашел…

– Теперь он, конечно, король? – перебил Фома, настораживаясь.

В висках вдруг застучали молоточки. Есть выход? Какой выход? Господи, да если можно найти способ жить лучше, кто же станет возражать против перемен! Король? Да пусть хоть султан, хоть микадо, хоть Гудвин Великий и Ужасный! Без малого восемь лет бесконечных маршрутов от оазиса к оазису… Восемь выброшенных из настоящей жизни лет! Неужели все-таки есть выход?!

– Ясное дело, что король он, а не я! Он знает один секрет, а я его не знаю. Хотя, конечно, пробовал… Короче говоря, у тебя в феоде, как я понимаю, есть сколько-то точек выброса новичков. Три? Четыре?

– Не твое дело.

– Ладно, не мое, – легко согласился Гумно. – Одну я видел и, ты уж не обижайся, взял бутылку с водой. Пить захотелось. Где находятся другие точки – не интересуюсь. Скажи только одно: тебе ведь приходится постоянно их проверять? Причем чаще всего с нулевым результатом?

– Будто сам не знаешь, – буркнул Фома.

– Во-от! А у него есть точка выброса, которая работает как часы! Он нашел способ. Что ни день, то полсотни человек, а то и больше. Сам понимаешь, тут уже совсем другие возможности!..

– Ничего я не понимаю. Какие еще возможности? Тьфу, да столько людей феод просто не прокормит!

– Он прокормит больше, чем ты думаешь. Но всех кормить и не надо. Только лучших. Селить их в оазисах вдвое-втрое плотнее, чем раньше, и заставлять работать как следует. Чтобы ни одна пядь земли не пустовала. Будь спок, с них можно стричь не то что десять – сорок процентов. Уже проверено. Живы будут, не подохнут. Жить всем хочется, да не все того достойны. Так что если кто сыграет в ящик или возмутится – ну что ж, на его место найдется уйма желающих, ферштейн?

– Не ферштейн, – сказал Фома. – А остальных куда девать?

– Тьфу, тормоз! В носильщики, куда же еще! Я вот сразу допер. Проложить более-менее надежные маршруты, время от времени их корректировать, назначить главного караванщика из тех, кто потолковее, объяснить ему про ловушки – и вперед! Жить захотят – дойдут. Может, и не все, но большинство дойдет, а дохляков и болванов не жалко. Этот метод тоже уже проверен – и еще как работает! Избыток людских ресурсов, знаешь, вещь в себе, но если взяться за дело с правильной стороны…

Гумно мечтательно закатил глаза. Фома ощущал желание двинуть чем-нибудь твердым и тяжелым промеж этих глаз. Если бы гость выказал страх, желание это стало бы непереносимым. Но нет – Гумно, как видно, был убежден в успехе своей миссии.

– Ты продолжай, я слушаю… Значит, самых никчемных ставим во главу колонны – и вперед на минное поле?

– Ха! По-твоему, лучше кормить балласт за счет тех, кто все-таки на что-то годен?

Логика, подумал Фома. Сейчас же со дна памяти выплыло то, о чем он уже много лет мечтал забыть: женщина с коляской. В коляске лежал младенец – мертвый. И женщина была уже мертва к тому моменту, когда Фома и Нсуэ наткнулись на нее в бесконечных скитаниях по феоду. Так уж вышло, что очередной перерыв между посещениями той точки вы-

броса оказался долгим, и матери с ребенком просто не хватило воды. Уж конечно, они не умели ее экономить.

Тела закопали в песок. Бушмен потом долго был мрачен и на вдребезги изломанном английском ругал неприспособленных городских жителей. Выходец из Калахари не мог взять в толк, как можно погибнуть от жажды в пустыне. Не бывает таких пустынь!

А Фома казнил себя. Ведь это из-за него они опоздали на несколько дней. Это он не вовремя подхватил странную лихорадку, от которой все тело покрылось лиловыми пятнами, и суток пять провалялся в том оазисе, где сейчас живет Автандил. Едва не умер, но все-таки выжил благодаря каким-то травкам, добытым Нсуэ, а может быть, выжил не вследствие траволечения, а вопреки ему. Он-то выжил…

Что ж, рассуждая здраво, балласт есть балласт, и не стоит о нем жалеть. Закон Плоскости беспощаден. Не погибни та женщина с ребенком, они долгое время годились бы только на роль нахлебников. Кому-то пришлось бы больше горбатиться на поле, чтобы их прокормить. Феодал был бы вынужден чаще посещать их – ведь для малыша нужно много чего. И все это в ущерб другим – тем, кто работает до седьмого пота, а не просто живет непонятно зачем и жалуется. Плоскость не благосклонна к людям, но сильных и приспособленных она по крайней мере терпит. Слабые ей ни к чему.

Это закон.

Ему нет дела до традиционных законов человеческих.

Лишь идеалисты вроде Георгия Сергеевича искренне полагают, будто социальные законы строятся на морали. Чушь! Они строятся на присущем социуму инстинкте выживания и, конечно, на выводах, сделанных из тяжелейших ошибок, на крови и костях неудачливых экспериментаторов, на найденном в муках поколений приемлемом укладе жизни. А мораль уже подгоняется под этот уклад. Десять заповедей – они ведь писаны для Земли. Быть может, здесь некоторые из них должны трансформироваться? Например, так: «Слабого – убий»?

И слабый сгинет. Зато социум будет жить. Можно даже получать непосредственную пользу от гибели слабых – ведь теперь по Плоскости пойдут караваны носильщиков с живыми «миноискателями»! Резко увеличится обмен товарами. Разве это не прогресс? Прочная королевская власть взамен беспросветной феодальной бестолковщины – разве не прогресс?

Он самый. И как всегда, на костях. Главное, чтобы под рукой всегда был излишек людей, чтобы точки выброса действовали бесперебойно, как конвейеры…

– А нельзя устроить так, чтобы сюда с Земли вообще никто больше не попадал? – спросил Фома.

И заметил: визитер удивился. Его удивление длилось несколько секунд. Затем Гумно разразился веселым смехом:

– Ну, ты шутник… Даешь, парень! От тебя первого слышу такое. Нет, я не могу… Во выдумал!

– Значит, нельзя?

– Да кому это надо?! Э, погодь, ты серьезно, что ли? Совсем головой нездоров, да? Главного-то ты не усек: для нас с тобой хорошая жизнь начинается! Кто теперь твои соседи? Уже не феодалы, а наместники, причем все пошли добровольно! Губайдуллин чуть ли не вприпрыжку прибежал. Перонелли пришлось уговаривать, но и тот скоренько разглядел, с какой стороны на бутерброде масло. Люкер, Андриадис, Мбунумве поняли с полуслова. Еще несколько дальних от тебя, ты их вряд ли знаешь… У нас теперь королевство из девяти провинций… то есть было из девяти дня четыре назад. Сейчас, может, уже из пятнадцати – не я один послан к соседям.

– А Бао Шэнжуй? – спросил Фома.

– Это какой? Это тот китайча, чьи земли за твоими? К которому раньше почти все китайцы уходили? Как же, наслышан. Он будет следующим. Дураков нет.

– Это почему же?

Гумно в сердцах хлопнул себя по колену:

– Слушай, ну ты думаешь, прям как баобаб растет – в год по сантиметру. Еще раз говорю: совсем другая жизнь у тебя пойдет. Проникнись! У всех, кто чего-то стоит, другая жизнь пойдет. Плоскость – она сама определит, кто чего стоит, кому наверху быть, кому на брюхе ползать, а кому вообще жить не надо. Насчет себя ты уже доказал, тебе и быть наместником. Назначишь старост в оазисах, подучишь из пополнения

трех-четырех караванщиков и гонцов с полномочиями решать дела на месте, ну сам иногда явишься с инспекцией, когда охота придет ноги размять, а грузы и без тебя дойдут… Понял? Выбери себе оазис поприличнее, живи да радуйся. Гвардию себе заведи, чтоб уважали. Заставь бездельников дом тебе построить – настоящий дом, а не халупу. Или ты свободой дорожишь? Нет? Правильно: на хрен она нужна, такая свобода! Короче: служишь королю, платишь ему десятину, а взамен получаешь человеческие излишки, и делай с ними что хочешь. Служба необременительная.

– То-то тебя ко мне погнали, – с издевкой сказал Фома. – Бобик, апорт!

– Э! – Гумно пренебрежительно махнул рукой. – Это что! Это ерунда. Подумаешь, прогулялся. Вообще-то есть у меня пара толковых ребят, только они пока плохо обученные, вот я и решил сам к тебе наведаться. Для меня пустяк, а королю будет приятно. Он тобой особенно интересуется.

– Это почему же?

Явно наслаждаясь, Гумно выдержал долгую паузу. Потом полез в карман шорт и достал небольшую фотографию.

Фома не удивился: кто ж дивится эфемерным вещам! Безусловно, можно выспать и «Кодак» с принадлежностями, дело нехитрое. Можно выспать множество вещей, жаль только, что не все они, будучи полезными там, полезны и здесь. Например, радио. Как было бы хорошо снабдить все оазисы портативными радиостанциями и самому разгуливать с

невесомым «уоки-токи» – да черта с два! Уже испробовано. Радиосвязь на Плоскости невозможна – местный сволочной эфир не пропускает радиоволн.

– Портрет короля. – Гумно протянул фотокарточку. Видно было, что он недоволен: карточка помялась в кармане.

– Медленно встань, повернись спиной и отойди на пять шагов, – скомандовал Фома, извлекая «марголин» из-за пояса. – Фото оставь на камне.

Громко фыркнув, Гумно подчинился. Даже руки положил на затылок. Глумишься, мол? Ну-ну, не возражаю. Ты на своей земле, а значит, в своем праве, а только все равно ты дурак…

Фома неспешно приблизился к валуну. Косясь на недвижного Гумно, поднял мятый картон.

С фотокарточки на феодала смотрело его собственное лицо.

Пятичасовой безостановочный переход – легкая физзарядка для феодала. Для Георгия Сергеевича, разменявшего седьмой десяток и вдобавок три года сидевшего сиднем в своем крошечном оазисе, испытание оказалось более чем серьезным.

– Все-таки вы были правы, – сказал Фома. – Теперь ваша гипотеза доказана: сюда попадают не оригиналы, а копии. И еще одно: я окончательно поверил в бога. В местного бога. В бога, действующего только в нашей вселенной – на Плос-

кости. Не удивлюсь, если он ее и создал.

Они присели передохнуть на гребне бродячего бархана. Это место Фома считал сравнительно безопасным. В полном безветрии, тихо шурша, сыпался песок. Что гнало его, почему бархан вечно полз, описывая на местности странные кривые, и почему он никогда не покидал треугольника, образованного ближайшими оазисами, Фома не знал и сейчас не был склонен решать безнадежные головоломки. Пусть себе ползет. Ни горячих, ни холодных вихрей над самодвижущимися песками практически не бывает – вот и ладно. Это главное.

Они прошли уже больше половины пути. Остаток Фома в одиночку преодолел бы часа за три. Со старым учителем в качестве компаньона он опасался вообще не дойти. Георгий Сергеевич ни разу не пожаловался на усталость, но зачем что-то говорить, когда и так видно: еле тянет.

Фома размышлял.

– Свернем ко мне, – сказал он, приняв решение. – Крюк есть, но небольшой. Зато отдохнем по-человечески.

– А? – Георгий Сергеевич никак не мог отдышаться. Зашелся кашлем. – Простите, я не понял… К вам?

– Ко мне. Я у вас в гостях уже сколько раз бывал, а вы у меня еще ни разу. Вот мы и поправим это дело.

– Гм. Признаться, я думал, что вы…

– Все время слоняюсь, как Вечный жид? – с грустной улыбкой закончил Фома. – Это не совсем так. Это лишь по-

чти так.

Он замычал, схватившись за голову, не слыша, как мучительно охнул Георгий Сергеевич, не видя, как он скорчился. Боль схватила сразу, сдавила мозг тупыми когтями и долго не спешила отпускать. А когда все же отпустила, Фома потер виски и объяснил, упреждая вопрос:

– Бродячий магнитный вихрь, только и всего. Довольно мощный. Это не страшно, он почти никогда не убивает, с него голова болит только… Вы в порядке?

Георгий Сергеевич был в порядке, то есть жив. А остальное – дело техники. При необходимости Фома понес бы его на себе, но, само собой, был готов сделать все, чтобы такой необходимости не возникло.

– Игорь, друг мой… Я рад, что вы приняли гипотезу о местном боге. Не надо только безоглядно верить. Надо думать. Вы Фома неверующий, им и оставайтесь. Возможно, нет никакого смысла в э-э… персонификации высшего существа, которое с нами шутки шутит. Вот вы не раз приносили мне книги… Заметьте, книги, не читанные прежде ни мной, ни вами! Вы выспали то, о чем прежде не имели понятия. Но разве это доказательство существования бога? Что, если просто-напросто таковы свойства данного мира? Ведь Плоскость имеет связь с Землей, хоть связь эта и односторонняя… Вы можете сказать, где тут сознательная деятельность высшего существа, а где ее и в помине нет? Сдается мне, вы уверены, что так называемый король сумел догово-

риться с высшим существом… А мне кажется, что он просто открыл еще один рычаг влияния на этот мир. Не более.

– Он – это я, – мрачно напомнил Фома.

– Нет, он – не вы… Не вы открыли – он открыл. Игорь, друг мой, не надо считать гением ни его, ни себя, умоляю вас! Ему могло просто повезти. Дело случая. Вот, например, стеклянный лабиринт с белыми крысами. Классический опыт. Крысы бегут по нему, суетятся, вынюхивают… Одна случайно нажала лапкой на незаметную педаль – и получила электрический разряд. Другая нажала на другую педаль – и получила кусочек сыра. Разве это не похоже на нас? А разве невидимый крысам Экспериментатор, построивший лабиринт, не похож на крысиного бога?

– Продвинутый представитель высшей цивилизации изучает людей, – кивнул Фома. – Человечество мечтало о контакте с иной цивилизацией, а получило взамен Экспериментатора-одиночку. Вся их цивилизация – слишком жирно для нас, рылом не вышли, а наша для них – неинтересна, потому что примитивна. Один только чудик и нашелся… Слыхали, знаем. Георгий Сергеевич, дорогой вы мой, это очень старая гипотеза.

– Но ведь не опровергнутая?

– Не опровергнутая.

– Тогда думайте над нею! У вас хорошая голова, вот и пустите ее в дело! Ищите, делайте выводы, сомневайтесь – что угодно, только ни в коем случае не верьте безоглядно…

Он еще что-то говорил, а Фома, кивая в такт, старался не морщиться и думал о том, что школьный учитель – больше диагноз, чем профессия. Ему хотелось сказать: «Георгий Сергеевич, я не школьник, не юнец прыщавый с рэпом в голове и зудом в гениталиях, мне уже двадцать семь!»

Но он молчал. Если старый учитель затянул монолог, то это прежде всего нужно ему самому. Пусть говорит, веря в пользу слов. Отнять эту веру значит отнять очень многое. Потерпеть ведь совсем нетрудно.

Возразить, выслушав, – дело иное.

– Я не хочу жать на педаль, – сказал он, чуть только Георгий Сергеевич умолк. – Я теперь хочу только понять, как жить дальше в этом сволочном лабиринте. Не жать, а жить. Так, как предложил Гумно от имени Я-второго, – не хочу. Тогда уж лучше не жить вовсе. Шагнул в черный провал – и кранты. Кто такой был феодал на Плоскости? Защита и опора. Кем он станет теперь? Прессом-соковыжималкой? Сатрапом персидским? Гауляйтером?

Георгий Сергеевич только вздохнул.

– Самое интересное: Гумно был уверен, что я поломаюсь для виду, а потом с радостью соглашусь. Выгодно же! Еще одну вещь он сказал напоследок, но тут я уже и сам допер: мясо!.. Нет, не подумайте чего, не человеческое… Сами знаете, животных сюда редко забрасывает, разве что вместе с людьми. Собаки, кошки… И все они либо съедались, либо подыхали от бескормицы. Но ведь когда люди попадают на

Плоскость конвейером, с ними рано или поздно попадут и травоядные, разве нет? Бабка пасла козу – хлоп, и обе здесь. Голубятник кормил голубей – и вот он тут вместе с голубями и голубятней. И так далее. Рано или поздно кролики у нас размножатся, домашняя птица… А мы тут семенами меняемся, достали что-нибудь новое – радуемся, идиоты! Вам не надоело вегетарианство? Мне давно надоело. Сукин сын приберег этот аргумент напоследок…

– А вы… – начал было Георгий Сергеевич.

– Что?

– Нет, ничего. Нет-нет, я понимаю. Отношения феодалов – это, знаете ли, совершенно не мое дело.

– Я отпустил его, – ответил Фома и поймал недоверчивый взгляд Георгия Сергеевича. – Нет, правда отпустил.

– Странно… Гм… Мне показалось, что я слышал выстрел. И потом, я видел следы крови. Нет-нет, Игорь, я вам верю. Я же сказал: показалось.

– Следы были, – кивнул Фома. – И это была его кровь. Но ушел он живым, честное слово.

– М-да… Гм… Но вы ведь стреляли? Ведь это вы стреляли, а не он?

– Не он, – мрачно сказал Фома. – Я прострелил ему руку. Кой черт прострелил – задел только! Нарочно. Пришлось сказать, что вторая пуля пойдет ему в живот. Он поверил. А что мне оставалось делать? Этот гад собирался метнуть нож и ни за что не хотел резать себе уши.

– Как? – только и спросил Георгий Сергеевич. Лицо его побелело, взгляд остановился.

– А вот так. Это объявление войны. Вообще-то двуногих скотов надо убивать, но тогда король Я-второй прислал бы нового парламентера. Наверняка решил бы, что первый сгинул по пути. Я бы так и сделал, а значит, и он тоже. А чего зря время тянуть? Пусть знает: в гробу я его видал, двойничка своего. А отпустить просто так ту сволочь, что он прислал, я, извините, не мог. Носи то, что заслужил, – уши в кармане. Я ему даже тряпку пожертвовал на перевязку. Он и ушел. Я не прав?

Георгий Сергеевич глубоко вздохнул, пожал плечами и ничего не ответил.

– Пойдемте, – сказал Фома, тоже вздохнув.

– Постойте… Вы действительно хотите сказать, что выстрелили бы ему в живот, если бы он… если бы он не…

– В живот или в голову – не знаю. Знаю только, что убил бы гада. Нельзя приходить ко мне с такими предложениями.

– Да, конечно, – задумчиво проговорил Георгий Сергеевич. – Все это как-то не по-людски…

– Вот именно! – Фома сплюнул. – Не по-людски, это вы верно сказали. Ну, я его немножко и подправил. Чтобы соответствовал. А то с виду он был слишком похож на человека: две руки, две ноги, два уха… Вы как, уже отдохнули? Идти можете?

Спускаясь с бархана, он для начала изругал себя за то,

что все рассказал Георгию Сергеевичу, а потом ожесточился. Кой черт! Дипломатничать еще! Вот вам правда, ешьте ее. Она груба, грязна и жестока, но другой-то правды все равно ни у кого нет. Даже на Земле. А уж на Плоскости и подавно. Феодализм – это вам не рыцарские турниры, подъемные мосты, крестовые походы и песни менестрелей. И не кодекс бусидо. Это просто жестокость, возведенная в ранг необходимости.

Да, люди делают любой мир гаже, чем он есть. Но и мир отвечает им той же любезностью. Круговорот. Выскочить из него невозможно. Можно слегка высунуться, но это означает жить отшельником. Только так.

– Что же теперь будет? – спросил Георгий Сергеевич, достигнув подножия бархана, и видно было: вопрос не из числа риторических. Либо старый учитель и впрямь не знал, что будет, либо еще не успел свыкнуться с неизбежным.

– Война будет, – ответил Фома. – Вы знаете, что такое война на Плоскости? Нет? Я тоже не знаю. Будем импровизировать. Если победим, постараемся оставить все по-старому. Я знаю, так не бывает, но я постараюсь.

– А если проиграем?

Странный вопрос… Фома искоса посмотрел на Георгия Сергеевича – не шутит ли? Нет, он ничуть не шутил. К сожалению.

– Тогда мы умрем. – Фома фыркнул. – Я этого не переживу.

Глава 6

Целая роща стеклянных сталагмитов тихонько пела на слабом ветерке. Удивительно ровные, на редкость прозрачные конические «сосульки», торчащие остриями вверх, казалось, вышли из лучшей стеклянной мастерской. Иные превышали ростом человека, другие только-только начинали пробиваться из серой скальной проплешины, каких на Плоскости сколько угодно.

Они росли – медленно, как настоящие пещерные сталагмиты. За восемь лет они выросли в среднем на три сантиметра. На них не капала богатая кремнеземом вода, и все-таки они тянулись вверх. Фома не сомневался в том, что сталагмиты живые.

Один был отломан – последствия давнего грубого эксперимента. С тех пор обломанный «пенек» оплыл, как огарок, а сам сталагмит, валяющийся здесь же, накрепко врос в скалу и как будто уменьшился в объеме. Фома не продолжил эксперименты – стеклянной рощи было жаль.

Он щелкнул ногтем по ближайшей «сосульке». Раздался мелодичный, долго не стихающий звук, и вся роща отозвалась на него печальным пением. Улыбнувшись, Фома сыграл на нескольких разнокалиберных сталагмитах, как нарочно растущих в ряд, «Чижика-пыжика». В ответ полились звуки – то ли симфония, то ли какофония, но приятная.

Он еще раз улыбнулся, вспомнив, как Нсуэ до судорог боялся приближаться к стеклянной роще, подозревая в ней жилище великого духа Гауа. А на поверку «жилище духа» обернулось просто поющим стеклом. Очень качественным, возможно даже чистым хрусталем, непонятно почему живым. Как-то раз Фома выспал себе масс-спектрограф для продолжения экспериментов, но так и не понял, как с ним обращаться, а выспать инструкцию не сумел. Да и переменного тока напряжением 220 вольт взять было неоткуда, и в положенный срок деликатный прибор рассыпался пылью, как рассыпается все эфемерное.

Такова жизнь. Нельзя объять необъятное – руки коротки. У феодала и без научных экспериментов забот полон рот.

А Георгий Сергеевич, хоть и шел уже совсем на автопилоте, тупо уставившись себе под ноги, при слитном пении стеклянной рощи замедлил шаги, поднял в удивлении голову и немедленно исполнился блаженства:

– Как в Большом зале филармонии…

Фома не ответил. В Большом зале филармонии он не бывал ни разу по странности подобных желаний для студента-технаря. В малом зале – тем более не бывал. Куда охотнее он послушал бы «Пикник» или старую «Арию», но пока приходилось довольствоваться тем, что есть. Нетрудно выспать плеер с записями, но никакой феодал не станет таскать его с собой по Плоскости, наслаждаясь по пути музыкой. Разве что совсем глупый или тот, кому жить надоело. Даже «про-

кручивать» музыку в голове – и то вредно. Фома люто ненавидел попсовые мотивчики отнюдь не за убогость, а лишь за прилипчивость. Куда там банному листу! Клей.

– О чем вы думаете? – спросил Георгий Сергеевич, продолжая прислушиваться к пению рощи.

– О том, что, если мы не отобьемся, меня посадят на один из этих кольев, – указал Фома на «сосульки». – Или придумают еще чего похуже.

Георгий Сергеевич удивленно потер подбородок.

– Странно… А я думал о Моцарте, Бетховене, Гайдне. Удивительное место. Почему вы мне ничего о нем не рассказывали?

Фома пожал плечами:

– А смысл? Тут не рассказывать, тут показывать надо.

Тонкая, почти невидимая летающая нить, противно извиваясь, проплыла против ветра опушкой стеклянной рощи, наткнулась на корявый куст, легко срезала его и полетела себе дальше. С той же легкостью она могла располовинить человека, Фома видел, как это бывает. Короткие, в полметра, нити, каких большинство, способны только поранить, двухметровых надо бояться всерьез, но попадаются и десятиметровые гиганты, режущие скалы. Эта нить с камнем не справилась бы, да и со стеклянным сталагмитом, пожалуй, тоже. Пусть летит, сволочь.

Почему-то вспомнилось, как давным-давно Георгий Сергеевич, тогда еще неопытный новичок на Плоскости, долго

мялся, прежде чем спросить:

«Игорь, друг мой, я осмелюсь задать вам один деликатный вопрос. Если хотите, не отвечайте…»

«Ну?»

«У феодалов бывают профессиональные болезни?»

«А как же. Варикозная язва – это первое. Ну, еще болезни желудка. Все остальное от ловушек и подлянок. Ожоги, обморожения – это часто. Вляпаться в жидкую землю или угодить в черный провал – тоже, знаете ли, профессиональная болезнь, только скоротечная и фатальная…»

Но разве только жидкая земля и черные провалы? Если бы! Начнешь считать все виды смертельных ловушек – не хватит пальцев на руках и ногах. К счастью, половина из них встречается редко, однако не проходит и года, чтобы в феод не заползло извне что-нибудь новенькое. Плоскость велика и неистощима. А ведь каждая распознанная ловушка – это минимум одна жертва. Как бы иначе люди узнали об их смертельных свойствах?

Вот так и узнают. Учатся на ошибках. Как везде. Как и на Земле, кстати. Это же уму непостижимо, сколько народу перемерло, прежде чем выжившие уяснили, что шампиньон кушать можно, а сильно смахивающую на него бледную поганку – ни-ни! О рыбе фугу и говорить нечего. Не одни лишь боевые уставы «пишутся кровью», поваренные книги тоже. Георгий Сергеевич недавно сказал: разница с Плоскостью здесь только та, что у землян было время приспособить-

ся, период ученичества в основном позади…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.